

A futuristic solar sail spacecraft is shown in space. The sail is a large, translucent, grid-like structure that is illuminated from within, creating a glowing effect. The spacecraft is positioned in the lower left quadrant, with its solar panels extended. The background is a deep space scene with a starry sky, a bright sun or star in the distance, and a nebula-like structure. The overall color palette is dark with highlights from the sail and the distant sun.

ЭДУАРД СЕРОУСОВ

ПОСЛЕДНИЙ
СВИДЕТЕЛЬ

Эдуард Сероусов
Последний свидетель

«Автор»

2026

Сероусов Э.

Последний свидетель / Э. Сероусов — «Автор», 2026

2187 год. Вселенная пуста. Проект VERITAS доказал: в радиусе тысячи световых лет нет ни одной разумной цивилизации. Человечество — единственный свидетель существования космоса. На орбите Седны достраивается ковчег «Семя» — корабль поколений, рассчитанный на десять тысяч колонистов и восемьдесят лет полёта к Проксиме Центавра. Но правительство Земли объявляет ковчег угрозой и отправляет флот для его уничтожения. Восемнадцать дней. Три человека. Офицер, которая должна защитить корабль. Инженер, который должен его запустить. Капитан, которая должна его уничтожить. Война за право улететь. Все иллюстрации сгенерированы в программе Ideogram.

© Сероусов Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I: Пустота	5
Глава 1: Тишина	5
Глава 2: 614	14
Глава 3: Приказ	24
Глава 4: Варана	34
Глава 5: Крот	45
Глава 6: Четыре градуса	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Эдуард Сероусов

Последний свидетель

Часть I: Пустота

Глава 1: Тишина

Эсминец «Тишина», патрулирование между Поясом Койпера и Седной День 0. 18 дней до Битвы при Седне

Снаряд промахнулся на восемнадцать метров, и Рин Кацураги поняла, что Джамал Рашид опять видит больше, чем машина.

– Цель отклонилась. Коррекция на ноль-три, – сказал Рашид, не отрывая глаз от сенсорного экрана. Пальцы скользили по панели, оставляя влажные следы. Двадцать шесть лет, а руки потеют перед каждым учебным залпом, как в первый раз. – Нет, ноль-четыре, она вращается, осевое вращение, период около сорока секунд...

– Рашид.

– Да, мэ.

– Коррекция. Не комментарий.

Он замолчал. Пальцы продолжили движение по панели – быстрее, точнее. Данные потекли на тактический экран Рин: обновлённая траектория учебной мишени, красная пунктирная линия, загибающаяся в пустоту.

Мишень представляла собой кусок обшивки – обломок неизвестного транспортника, подобранный у Пояса три недели назад. Два метра в поперечнике, неправильной формы, медленно вращающийся в восьмистах километрах от «Тишины». Слепящая точка на инфракрасном дисплее – обломок нагрелся Солнцем, хотя здесь, за орбитой Плутона, это слово мало что значило. Солнце было просто звездой. Яркой – но звездой.

Рин посмотрела на данные. Рейлган «Тишины» выпустил килограммовый вольфрамовый болванок со скоростью двенадцать километров в секунду. На восьмистах километрах – шестьдесят шесть секунд полёта. За это время мишень сместилась на полтора собственных диаметра за счёт осевого вращения и микрогравитационного дрейфа. Тактический ИИ заложил коррекцию на вращение, но не учёл нутацию – едва заметное покачивание оси.

Рашид учёл.

– Второй болванок готов, – доложил оружейный офицер Камински откуда-то из-за спины. Его голос глухо отдавался в тесном пространстве мостика – шесть человек, семь экранов, потолок на расстоянии вытянутой руки. – Заряд конденсаторов – девяносто восемь.

– Рашид, – сказала Рин. – Ввод.

– Готово.

– Огонь.

Грохот прошёл через корпус, как удар кулаком в стену. Не звук – вибрация: рейлган был установлен вдоль продольной оси «Тишины», и каждый выстрел отдавался от кормы до носа, проходил через ложемент, через позвоночник, через зубы. Конденсаторы выплёвывали мегаджоуль энергии за долю секунды, и эсминец вздрагивал, как живое существо.

На экране – секунды ожидания. Шестьдесят шесть секунд до контакта. Рин считала их, не глядя на таймер: привычка с Академии, где курсантов гоняли на ручном расчёте баллистики, пока не начинали считать во сне.

На двадцатой секунде Рашид сказал:

– Контакт подтверждён. Визуально вижу вспышку на пеленге ноль-три-два.

– Рановато, – заметил Камински.

– Он видит быстрее тебя, – ответила Рин. Не комплимент. Факт. Рашид не видел сам удар – свет от столкновения на восьмистах километрах ещё не мог пройти за двадцать секунд. Он увидел тепловую вспышку, микросекундный всплеск на инфракрасных сенсорах, который ИИ обработает через три секунды, а Рашид – уже интерпретировал.

Лучшие уши во Флоте Мандата. И глаза тоже.

– Поражение цели, – подтвердил ИИ через четыре секунды после Рашида. – Отклонение от центра масс: один и две десятых метра.

– Достаточно, – сказала Рин.

На мостике была тишина – рабочая, привычная, заполненная гулом вентиляции и негромким писком приборов. Шесть человек: Рин в командирском ложементе, Рашид на сенсорах, Камински на оружии, навигатор Ли, инженер Бектурова, связист Форрестер. Тридцать один человек на корабле – остальные двадцать пять распределены по боевым постам, инженерным отсекам и спальным ячейкам. Ячейки – два на два метра. Места, где спят, но не живут.

«Тишина» – эсминец класса «Кэрнс», построенный верфями Цереры одиннадцать лет назад. Сто двадцать метров от носа до кормового сопла термоядерного двигателя. Узкий, угловатый, похожий на нож – если ножи умели убивать на расстоянии тысяч километров. Два рейлгана, шесть торпедных аппаратов, лазерная система ПРО, и самый тонкий набор сенсоров во Флоте Мандата. Чистая масса – четырнадцать тысяч тонн. Из них девять тысяч – топливо.

Рин расстегнула ремни ложемента и почувствовала, как тело приподнимается – «Тишина» шла на трёх десятых g, и гравитация от тяги ощущалась мягче, чем на Церере. Достаточно, чтобы ходить. Недостаточно, чтобы забыть, что ты в консервной банке в девятистах астрономических единицах от ближайшего госпиталя.

– Камински, отбой учениям. Рашид, запись сенсорных данных – мне на терминал.

– Есть. – Камински.

– Уже, мэ. – Рашид. Он отправил файл раньше, чем она попросила. Рин посмотрела на него – худой, темнокожий, с коротко стриженной головой и вечным выражением сосредоточенности, будто он всё время прислушивался к чему-то, чего другие не слышали. Может, так и было.

Она перешла к навигатору.

– Ли, статус.

Ли – невысокая женщина с серыми от усталости глазами – вывела на экран навигационную карту. Голубая линия траектории «Тишины», пунктирная дуга патрульного маршрута, далёкая метка Седны на краю экрана.

– Дельта-V – сто процентов. Топлива полные баки. Положение – три целых семь десятых а.е. от Седны, патрульный сектор «Каппа». До следующей точки разворота – восемь часов при текущей тяге.

Сто процентов. Цифра, которая в мирное время не вызывала никаких чувств. Стандартный запас. Рин знала, что через несколько недель будет вспоминать это число, как вспоминают молодость, – с недоумением, что когда-то могла себе такое позволить.

– Продолжаем по маршруту, – сказала она.

Магнитные ботинки щёлкнули по палубе, когда она вышла с мостика. Хруст-хруст-хруст – размеренный, механический, единственный звук в коридоре, не считая гула вентиляции. Стены коридора – вольфрамо-углеродный композит, серый, испещрённый заклёпками и тех-

ническими маркировками. Температура – шестнадцать градусов. Стандарт для кораблей Мандата. Два градуса выше минимума, при котором конденсат начинает собираться на переборках. Два градуса роскоши.

Рин коснулась стены кончиками пальцев – холод тут же вгрызся в кожу, как будто металл ненавидел тепло и пытался забрать всё, что мог. Она убрала руку и продолжила путь к своей каюте.

Каюта – слово, которое обещало больше, чем давало. Два на два метра, койка, откидной столик, экран терминала, личный шкаф размером с обувную коробку. Стены обиты мягкой тканью – не для уюта, а чтобы при внезапной потере тяги не разбить голову. На столике – пустой стакан с кольцом кофейного осадка. Кофе из переработанного синтетика, со вкусом, который приблизительно напоминал кофе, как карта приблизительно напоминает территорию.

Рин села на койку. Снаружи, через двенадцать сантиметров обшивки – вакуум, радиация, и холод, не имеющий отношения к шестнадцати градусам коридора. Минус двести семьдесят. Три градуса выше абсолютного нуля. Космос не был враждебным – он был безразличным, и это было хуже.

На экране терминала, приклеенном к переборке рядом с койкой, светилось изображение. Не фотография семьи – у Рин не было семьи в том смысле, который подразумевали сослуживцы, когда спрашивали. Была мать на Ганимеде, с которой Рин разговаривала раз в три месяца, и разговоры были как стыковка двух кораблей на разных орбитах – требовали расчёта, терпения, и не оставляли после себя ничего, кроме облегчения, что всё прошло без столкновения.

На экране была звёздная карта. Проксима Центавра, 4.24 световых года. Маленькая красная звезда с двумя подтверждёнными планетами, одна из которых – условно в зоне обитаемости. «Условно» – потому что Проксима была красным карликом, и «зона обитаемости» означала приливной захват, вспышки, и радиационный фон, при котором незащищённый человек получил бы смертельную дозу за семь часов.

Туда должен был лететь ковчег «Семя». Десять тысяч спящих, лазерный парус, восемьдесят два года перелёта. Не в рай – в место, где можно попытаться. Попытаться жить, попытаться не умереть, попытаться дать вселенной то, чего у неё никогда не было и не будет без них – кого-то, кто смотрит.

Рин не думала о «Семени» в таких терминах. Она думала о нём как о задаче: объект, который нужно защитить. Координаты, вектор, масса. Но иногда, в каюте, когда никто не видел, она смотрела на карту Проксимы и думала о том, что через восемьдесят два года на орбите этой тусклой красной точки кто-то проснётся и увидит чужое небо. И не будет знать её имени. И ей это нравилось больше, чем она готова была признать.

Терминал мигнул.

Входящее сообщение. Приоритет – красный. Шифрование – «Граница». Задержка – 8 часов 14 минут.

Рин встала. Красный приоритет и шифрование «Граница» – канал прямой связи штаба Флота Мандата. Последний раз она получала сообщение с этим грифом три года назад, перед Церерой.

Она прижала палец к биометрическому сканеру. Секунда, пока система подтверждала – отпечаток, пульс, температура кожи. Экран мигнул снова и выдал текст.

Рин прочитала. Потом прочитала ещё раз. Потом – третий, считая слова, как считала болванки в магазине рейлгана, – по одному, каждый на вес.

«КРАСНЫЙ / ГРАНИЦА / ШТАБ ФМ / КОМАНДУЮЩИМ КОРАБЛЕЙ

Правительство Ковчега объявило проект «Семя» угрозой безопасности Солнечной системы. Статус – чрезвычайное положение. Оперативная группа «Метель» (12 боевых единиц) выдвинулась из Пояса Койпера по курсу на Седну. Расчётное время прибытия – 18 суток.

Приказ: «Семя» классифицировать как охраняемый объект первой категории. Всем кораблям ФМ – режим боевой готовности. Дополнительные инструкции следуют.

Коммодор Вестергаард, командующий ФМ»

Восемнадцать дней.

Рин стояла в каюте, ладони – на откидном столике, пальцы – на краю стакана с кофейным кольцом. Число работало в голове, как уравнение, которое раскладывалось на переменные: расстояние, ускорение, расход топлива, состав сил. Двенадцать кораблей Ковчега. У Флота Мандата – семь. И «Семя» – огромное, неподвижное, беззащитное без них.

Восемь часов задержки. Сообщение было отправлено восемь часов назад. Значит, решение Ковчега было принято ещё раньше – минимум сутки на обсуждение, голосование, оформление приказа. Пока «Тишина» стреляла по учебной мишени, флот уже разворачивался. Пока Рашид высчитывал нутацию обломка, двенадцать кораблей набирали ускорение.

Мир изменился. Они узнали об этом последними.

Рин надела ботинки и вышла из каюты.

Совещание было на «Авроре» – флагмане коммодора Вестергаарда, тяжёлом крейсере, висевшем на стационарной орбите над полюсом Седны. Рин добралась туда за четыре часа: час на разгон, два часа баллистического дрейфа, час на торможение и стыковку. Четыре часа, в которые она не разговаривала ни с кем, кроме навигатора Ли, и только о векторах.

«Аврора» была в два с половиной раза больше «Тишины» – двести восемьдесят метров, экипаж девяносто человек, четыре рейлгана и двенадцать торпедных аппаратов. Но внутри – та же теснота, тот же переработанный воздух с пластиковым привкусом, те же коридоры, в которых нельзя разойтись плечами. Стены были чуть светлее, потолки – чуть выше. Привилегии флагмана.

Совещательный зал находился в центре корабля – самое защищённое место, окружённое баками с топливом, которые служили дополнительной радиационной защитой. Длинный стол – болтами к палубе, чтобы не улетел при потере тяги. Семь стульев, привинченных так же. На одной стене – тактический экран в три метра шириной. На остальных – ничего. Военная архитектура не тратила стены на красоту.

Когда Рин вошла, пять стульев были заняты. Пять командиров пяти кораблей Флота Мандата – те, кто успел добраться. Два корабля были слишком далеко: эсминец «Вихрь» на дальнем патруле и фрегат «Нарвал» у конвоя Не-3 на полпути к Седне. Они подключились через лазерную связь, их лица – на дополнительных экранах по бокам, с двухсекундной задержкой, от которой казалось, что они думают дольше остальных.

Коммодор Абрам Вестергаард стоял у тактического экрана. Шестьдесят два года, высокий, худой, с лицом, которое выглядело так, будто было вырезано из того же вольфрамо-углеродного композита, что и переборки его корабля. Серые волосы, коротко стриженные. Глаза – серые и спокойные, и в этом спокойствии было что-то неприятное, потому что Рин знала: он спокоен не потому, что не понимает ситуацию, а потому, что понимает её полностью.

– Все на связи, – сказал он. Не вопрос – констатация. Голос ровный, размеренный, каждое слово на своём месте, как заклёпка в обшивке. – Начнём. Тактическая обстановка – на экране. Рин, прошу.

Рин подошла к экрану. Карта – знакомая до деталей. Седна – жёлтая точка в центре. Орбита «Семени» – тонкая синяя линия. Семь зелёных меток – корабли Мандата. И красное – двенадцать точек, расположенных в шестидесяти а.е. от Седны, движущихся клином.

– Оперативная группа «Метель», – начала Рин. Голос – ровный. Факты. – Двенадцать боевых единиц. Два тяжёлых крейсера, четыре фрегата, четыре корвета, два корабля поддержки.

По сигнатурам двигателей – ускорение ноль-пять г. При текущем профиле – подход к Седне через семнадцать суток, торможение – сутки. Итого – восемнадцать дней до огневого контакта.

Она помолчала. Одна секунда – достаточно, чтобы каждый посмотрел на соотношение точек на экране. Зелёных – семь. Красных – двенадцать.

– У нас – семь кораблей. «Аврора», крейсер. «Тишина», «Вихрь» – эсминцы. «Нарвал», «Карелия», «Обсидиан» – фрегаты. «Степной волк» – корвет. Плюс две оборонительные платформы на орбите Седны: «Бастион-1» и «Бастион-2». Платформы неподвижны, дельта-V – ноль. Только ПРО и рейлганы.

– Семь против двенадцати, – сказал кто-то. Командир «Карелии», капитан третьего ранга Нурмухамедов. Невысокий, плотный, с усами, которые устав запрещал, но которые почему-то никто не заставлял его сбрить.

– Семь плюс два, – поправила Рин. – Но платформы – стационарны. Они защищают орбиту, а не маневрируют. Реально – семь подвижных единиц против двенадцати.

– Соотношение огневой мощи? – Это Вестергаард. Спокойно, будто спрашивал прогноз погоды.

– Не в нашу пользу. Их два тяжёлых крейсера несут по четыре рейлгана и шестнадцать торпед каждый. Суммарно – у «Метели» примерно в три раза больше торпед, чем у нас. По рейлганам – в два раза. По массе бортового залпа – в два с половиной.

Тишина. Не та, в честь которой назвали её корабль, – живая, напряжённая, заполненная дыханием семи человек и гулом «Авроры».

– Однако, – продолжила Рин, – у них – наступление. У нас – оборона. Они должны подойти к Седне, затормозить, и атаковать неподвижный объект – «Семя» – который мы защищаем. Стационарная оборона с платформами даёт нам преимущество в ПРО и раннем обнаружении. Мы можем компенсировать количество позицией.

– «Можем компенсировать», – повторил Нурмухамедов. – Это – «возможно» или «вероятно»?

– Это – «зависит от того, сколько мы готовы потерять».

Вестергаард поднял руку – жест, который означал «достаточно вопросов, я говорю».

– Рин подготовит детальный план обороны. У неё на это – двое суток. Сейчас – более неотложная проблема. – Он повернулся к экрану и увеличил участок карты между Поясом Койпера и Седной. Зелёная метка – фрегат «Нарвал» – и рядом – четыре синих точки, движущихся к Седне. – Конвой Не-3. Четыре танкера с гелием-3 из шахт Эриды. Триста двадцать тонн. Этот гелий предназначен для «Семени» – без него ковчег не выйдет на крейсерскую скорость.

Рин знала цифры. Триста двадцать тонн – при пороге в триста сорок, ниже которого «Семя» не набирало достаточной дельта-V для межзвёздного перелёта. С учётом топлива, уже загруженного в баки ковчега, этот конвой – разница между «полетит» и «никогда».

– «Нарвал» сопровождает конвой, – продолжил Вестергаард. – Один фрегат. По данным разведки, Ковчег направил к конвою два фрегата перехвата из состава «Метели». Если они доберутся до танкеров раньше нас – «Семя» не взлетит. Без единого выстрела по ковчегу.

Он повернулся к Рин. Серые глаза – ровные, как поверхность замёрзшего озера.

– «Тишина» – самый быстрый корабль во Флоте. Один эсминец, два фрегата противника. Задача: перехватить конвой, уничтожить или отогнать фрегаты, доставить танкеры к Седне. Вопрос – не «справитесь ли вы», Капураги. Вопрос – сколько дельта-V потратите. Потому что каждый процент, сожжённый на перехват, – это процент, которого не будет в обороне Седны.

Рин посмотрела на карту. Расстояния, векторы, время. Уравнение было сложным, но не нерешаемым. Пока.

– Конвой сейчас – в шестнадцати а.е. от Седны. Фрегаты Ковчега – в двадцати двух, но на встречном курсе. Если я выйду в ближайшие шесть часов, перехвачу конвой у обломков

Вараны – в восьми а.е. – через трое суток. Расход дельта-V на перехват и возвращение – сорок-сорок пять процентов. Останется пятьдесят пять – шестьдесят на оборону Седны.

– Это – много, – сказал Нурмухамедов.

– Это – конвой, – ответила Рин.

Вестергаард кивнул. Один раз, медленно.

– Мы не обязаны победить, Кацураги, – сказал он. Голос – тише, чем обычно, и это значило, что слова важнее. – Мы обязаны продержаться достаточно долго, чтобы «Семя» взлетело. Для этого нужно топливо. Для топлива нужен конвой. Для конвоя – вы. Всё остальное – арифметика.

Рин кивнула. Арифметика. Семь против двенадцати. Сто процентов дельта-V, которые начнут таять через шесть часов. Восемнадцать дней, из которых восемь уже прошли для тех, кто принимал решение, и ноль – для тех, кто должен был его исполнить.

– Есть ещё вопрос, – сказал Вестергаард. Он переключил экран на другой слой данных – сенсорные записи за последние сорок восемь часов. – Форрестер на «Авроре» зафиксировал аномалию. Один из кораблей оперативной группы «Метель» – корвет «Надежда Тяньцзиня» – отделился от основной группы четырнадцать часов назад. Лёг на нестандартную траекторию. Через сорок минут – пропал.

– Пропал? – переспросил кто-то с «Обсидиана», с экрана.

– Двигатели выключены. Тепловая сигнатура – ноль. Корвет идёт баллистическим дрейфом. Вопрос – куда.

Рин смотрела на экран. Последняя зафиксированная позиция «Надежды Тяньцзиня» – красная точка, за которой тянулся пунктир расчётной траектории. Пунктир заканчивался веером – зоной неопределённости, которая расширялась с каждым часом без данных. Корвет мог идти куда угодно. Но баллистический дрейф с выключенными двигателями означал одно: тот, кто это приказал, не хотел, чтобы его видели.

– Экипаж корвета? – спросила Рин.

– Тридцать четыре человека. Капитан – Лиза Чень. Послужной список – безупречный. Три боевых похода, два награждения. Не из тех, кто дезертирует.

– И не из тех, кто глушит двигатели без причины.

Вестергаард кивнул.

– Именно. Мы не знаем, что это. Тактическая хитрость, разведка, или кое-что хуже. Баллистический дрейф к Седне от текущей позиции – одиннадцать суток. Без возможности маневрировать, без связи, без обнаружения. Если корвет подойдёт к «Семени» незамеченным...

Он не закончил. Не нужно было. Корвет – четыре торпеды. «Семя» – неподвижное, огромное, без собственного оружия. Четыре торпеды – достаточно.

– Я включу поиск «Надежды» в задачу Рашида, – сказала Рин. – Пассивные сенсоры, анализ теплового фона. Если они включают что-нибудь – хотя бы чайник – мы увидим.

– А если не включают?

Рин помедлила. Одна секунда.

– Тогда мы узнаем, когда они будут в зоне пуска.

Совещание продолжалось ещё сорок минут. Распределение секторов обороны, графики патрулирования, протоколы связи. Рутинная, которая создавала иллюзию контроля. Вестергаард закрыл совещание тем же тоном, которым открывал, – ровным, размеренным, как пульс здорового человека.

– Мы защищаем не корабль, – сказал он напоследок, обращаясь ко всем, но глядя на Рин. – Мы защищаем единственный шанс вида выбраться из колыбели. Я хочу, чтобы каждый командир помнил это, принимая решения. Мы – не крепость. Мы – время. Каждый час, который мы даём «Семени», – это час достройки, час, который приближает запуск. Наша задача – купить время. И мы заплатим за него ровно столько, сколько потребуется.

Он сделал паузу. Не для эффекта – он просто замедлил речь, и это было страшнее любого крика.

– Отправляйтесь по кораблям. Кацураги – к конвою. Остальные – по секторам. Связь – каждые четыре часа. Вестергаард – конец.

Стыковочный узел «Авроры» пах озоном и смазкой. Рин ждала, пока технические проверят герметичность перехода, и смотрела в крошечный иллюминатор – двадцать сантиметров армированного стекла, через которое был виден кусок космоса. Здесь, у Седны, звёзды выглядели ярче, чем в Поясе, потому что не было ничего, что мешало бы смотреть. Ни станций, ни отражённого света планет, ни пыли. Только точки на чёрном, бесконечные и безразличные.

Солнце было одной из них. Чуть ярче остальных, но не настолько, чтобы сразу найти, если не знать, куда смотреть. На таком расстоянии оно давало в шестнадцать тысяч раз меньше света, чем на Земле. Если бы Рин вышла наружу без скафандра – она умерла бы, не успев понять, холодно ли ей. Не от холода. От вакуума.

Пятьдесят лет назад проект VERITAS отправил двенадцать тысяч зондов к двенадцати тысячам звёзд. Маленькие, быстрые, с лазерными парусами – предшественники того паруса, который сейчас ждал развёртывания на «Семени». Зонды летели десятилетиями. Возвращали данные ещё дольше. Результат – тишина. Двенадцать тысяч систем, и ни в одной – ничего. Ни радиосигналов, ни атмосферных биомаркеров, ни следов технологий. Вероятность разумной жизни в наблюдаемой вселенной – ниже десяти в минус двадцать второй степени. Число, которое не означало «маловероятно». Число, которое означало «нет».

Человечество отреагировало так, как человечество реагировало на всё: расколом. Одни решили, что единственность обязывает – нужно лететь, распространяться, заполнить пустоту, стать свидетелем для вселенной, которая не знает, что она существует. Другие решили, что единственность обязывает к осторожности – ресурсы конечны, риски чудовищны, и десять тысяч жизней на алтаре мечты – это не инвестиция, а преступление.

Были и третьи. Те, кто решил, что пустая вселенная свидетеля не заслуживает.

Рин не относил себя ни к одной из этих категорий. Она была военным. Она выполняла задачу. Задача имела параметры: объект защиты, силы противника, время, ресурсы. Остальное – философия, а философия не влияла на баллистику.

Но иногда, в тишине, она думала: если мы действительно одни – если в этой бесконечной черноте нет ни одного другого взгляда, ни одной другой мысли – тогда каждый человек, погибший в этой войне, был невозполнимой потерей. Не для нации, не для фракции. Для вселенной. Потому что больше некому.

Семь имён с Цереры. Она помнила их все.

Переходный шлюз загудел, зажёгся зелёный индикатор. Рин шагнула через порог, прошла по коридору стыковочного рукава – узкому, гибкому, слегка пружинящему под магнитными ботинками – и вернулась на «Тишину».

Мостик встретил её привычным гулом и привычными лицами. Рашид – на своём месте, глаза – на экране. Камински проверял конденсаторы рейлгана, листая диагностику. Ли вводила новые навигационные параметры – курс к Варане, к конвою.

– Приказ, – сказала Рин, и мостик затих. Не резко – плавно, как звук двигателя, который сбрасывает тягу. – Мы идём на перехват конвоя Не-3 у обломков Вараны. Два фрегата Ковчега – на встречном курсе. Задача – захватить танкеры, нейтрализовать фрегаты. Танкеры – целыми. Топливо нужно «Семени».

Пауза. Короткая, рабочая.

– Ли, курс к Варане. Оптимальный профиль, минимальный расход. Вылет – через два часа.

– Есть. Расчётное время перехода – трое суток при ноль-три g.

– Камински. Боекомплект?

– Полный. Шесть торпед, двести сорок болванков для рейлганов. Конденсаторы – девяносто девять.

– Рашид.

– Мэм?

– Дополнительная задача. Корвет «Надежда Тяньцзиня». Баллистический дрейф. Последняя позиция – на экране. Мне нужно, чтобы ты нашёл его.

Рашид посмотрел на неё – быстрый взгляд из-под бровей, потом обратно на экран. Пальцы уже двигались.

– Баллистический объект с выключенными системами, – сказал он вполголоса, больше себе, чем ей. Нервная привычка – проговаривать вслух, как будто произнесённое становилось более управляемым. – Температура корпуса... при выключенном жизнеобеспечении – через сутки сравняется с фоном. Четыре кельвина. Может, пять, если экипаж на борту, тепло тел... но на таком расстоянии это...

– Рашид.

– Ищу, мэм. Пассивные сенсоры, тепловой диапазон, максимальная чувствительность.

Но если они всё выключили – по-настоящему всё...

– Тогда будем ждать, пока ошибутся.

– А если не ошибутся?

Рин посмотрела на него. Рашид не отвёл глаз – в них было не сомнение, а добросовестность. Он хотел знать параметры задачи. Все параметры, включая неприятные.

– Тогда у нас будет проблема, – сказала Рин.

Она вернулась в ложемент. Пристегнулась. Экран тактического дисплея перед глазами – карта, точки, линии траекторий. Зелёные, красные, синие. И одна точка, которой больше не было. Пустое место на экране, где сорок минут назад был корвет «Надежда Тяньцзиня» – а потом погас, как звезда, которая выключила свет.

Одиннадцать дней дрейфа. Тридцать четыре человека в ледяном корпусе. Капитан Лиза Чень, безупречный послужной список, три боевых похода. Идёт в темноте и тишине, и никто не знает зачем.

Рин знала зачем. Она бы сама так поступила.

– Ли, – сказала она. – Курс подтверждён. Начинаем разворот.

«Тишина» дрогнула. Маневровые двигатели выплюнули короткие факелы – невидимые снаружи, но ощутимые внутри как лёгкий толчок, сдвиг внутренностей, мгновенное головокружение. Эсминец начал разворот, подставляя корму к Варане.

Дельта-V – сто процентов. Через шесть часов – девяносто восемь. Через трое суток – шестьдесят. Обратный путь – ещё сорок.

Числа. Рин считала числа, потому что числа не ввали и не утешали. Они просто были. Как звёзды. Как пустота. Как восемнадцать дней, которые уже тикали.

На тактическом экране – зона неопределённости «Надежды Тяньцзиня» расширялась с каждой минутой. Серый конус на чёрном фоне. Где-то внутри этого конуса – маленький корабль с выключенными двигателями, выключенным отоплением, выключенным всем, летел в темноте, и тридцать четыре человека дышали холодным воздухом, и дыхание их было видно.

Рин отвернулась от экрана.

– Курс два-один-пять, – доложила Ли. – Разворот завершён. Готовы к разгону.

– Разгон, – сказала Рин. – Ноль-три g. Трое суток.

Двигатель «Тишины» ожил – тяжёлый, утробный гул, который проходил через каждую переборку, каждую заклёпку, каждую кость в теле. Корабль начал ускоряться, и гравитация тяги вдавила Рин в ложемент – знакомо, надёжно. Палуба снова стала палубой, верх – верхом, низ – низом. Физика – понятной.

Восемнадцать дней. Двенадцать кораблей. Корвет-призрак. Конвой, за который нужно драться.

Рин закрыла глаза. Не чтобы спать. Чтобы считать.

Глава 2: 614

Ковчег «Семя», орбита Седны День 0. 18 дней до Битвы при Седне

Сварной шов на переборке секции 14-Д был на два миллиметра уже спецификации, и Том Огендо понял это раньше, чем считал показания датчика, – просто провёл пальцем в перчатке по шву и почувствовал.

– Нет, нет, нет, – сказал он вслух, присаживаясь на корточки. Фонарь на лбу качнулся, бросив луч на стену технического тоннеля – узкого, незавершённого, с торчащими из стен жгутами кабелей, как нервы из вскрытого тела. – Это не два миллиметра. Это полтора. Полтора миллиметра – это шестьдесят процентов допуска на термическое расширение. Шестьдесят процентов – это нормально для внутренней переборки, но это же не внутренняя переборка, это шестой сегмент кольцевой магистрали криоконтра, и при перепаде температур от двадцати до минус ста девяноста шов получит нагрузку на растяжение...

Он остановился. Рядом не было никого. Тоннель был пуст – три часа ночи по бортовому времени «Семени», и строительная бригада ушла шесть часов назад. Огендо разговаривал с переборкой.

– ...на растяжение, – закончил он тише, – которое может дать микротрещину через, скажем, двадцать лет. Или через сорок. Или никогда. Но «никогда» – это не инженерная величина, правда?

Переборка не ответила. Огендо вздохнул, достал маркер и поставил оранжевую метку рядом со швом. Оранжевая – «требует внимания, не критично». Зелёных меток на «Семени» было девять тысяч четыреста. Оранжевых – тысяча двести. Красных – сто семь. Огендо знал каждую. Не все номера, но все места. Двадцать лет – сначала проектирования, потом строительства, потом доведения – оставляют отпечаток. Он мог пройти от носа до кормы с закрытыми глазами и рассказать, что за каждой переборкой: функция, состояние, процент готовности, имя сварщика.

Ковчег «Семя» был живым. Не в метафорическом смысле – Огендо не верил в метафоры, он верил в системы, – а в инженерном. Две тысячи шестьсот метров от носа до стыковочного узла на корме. Вращающийся жилой модуль – кольцо диаметром четыреста метров, дающее три десятых g, достаточно, чтобы суп не улетал из тарелки и чтобы кости не рассыпались за восемьдесят лет. Восемь криогенных блоков, каждый – зал шестьдесят на шестьдесят метров, заполненный рядами камер, уходящими в полумрак. Технические уровни, строительные секции, топливные баки, инженерные отсеки, лаборатории, оранжереи, медицинский комплекс, командный мостик. И парус – свёрнутый сейчас в компактную упаковку на носовой секции, но в развёрнутом виде – сто двадцать километров тончайшего отражающего материала. Сто двадцать километров. Тоньше человеческого волоса. Способный поймать луч лазерной решётки в точке L2 Солнца и разогнать всю эту громаду до четырёх сотых скорости света.

Если бы всё работало. Если бы всё было готово.

Огендо выпрямился, хрустнув коленями – пятьдесят четыре года и двадцать лет в пониженной гравитации не щадили суставы, – и двинулся дальше по тоннелю. Фонарь высвечивал стены в трёх метрах впереди: серый композит, клеммы, маркировки. Воздух пах машинным маслом и чем-то химическим, сладковатым – герметик, который бригада Чжоу наносила на стыки восемнадцать часов назад. Под ногами – магнитная решётка пола, в технических тоннелях не было вращательной гравитации жилого модуля, только ботинки удерживали на месте. Шаг – щелчок. Шаг – щелчок. Ритмичный, успокаивающий звук, который Огендо использовал как метроном для мыслей.

Щелчок. Секция 14-Д – готова на восемьдесят семь процентов. Достроить – шесть недель.

Щелчок. Криоконтур четвёртого модуля – надёжность девяносто четыре. Поднять до девяноста девяти – четыре месяца.

Щелчок. Парус – проверен, исправен, готов к развёртыванию. Единственная система на «Семени», за которую не было стыдно.

Щелчок. Общая готовность корабля – восемьдесят один процент.

– Восемьдесят один, – пробормотал Огендо. – Восемь-один. Звучит как оценка студента-троечника. «Сойдёт, Том, но мы ожидали большего».

Тоннель вывел его к шлюзу между технической секцией и криозоной. Огендо приложил ладонь к сканеру – биометрия, подтверждение, зелёный свет. Шлюз открылся с мягким шипением перепада давления, и на него дохнуло холодом.

Криозона была другим миром. Если строительные тоннели были кишками «Семени» – грязными, незавершёнными, честными в своём несовершенстве, – то криозона была его сердцем. Температура – двенадцать градусов в проходах, минус сто девяносто внутри камер. Воздух – стерильный, фильтрованный, с едва уловимым привкусом металла, как будто холод имел вкус. Освещение – мягкое, синеватое, автоматически приглушённое до ночного режима. И тишина. Настоящая, плотная, ватная, какой не бывает нигде на корабле, потому что здесь даже вентиляция работала на пониженных оборотах, чтобы не создавать лишних вибраций.

Две тысячи человек спали в этих залах. Две тысячи из десяти – первая партия колонистов, погружённая в криосон три месяца назад, когда «Семя» казалось ближе к завершению, чем было на самом деле. Остальные восемь тысяч – на пути к Седне или в очереди на погружение. Десять тысяч жизней, вверенных кораблю, который Огендо построил. Доверенных ему.

Он вошёл в криоблок номер один.

Зал. Шестьдесят на шестьдесят метров, потолок – десять. Ряды криокамер стояли вертикально – стеклянные гробы, каждый содержащий одного человека, укутанного в термоизоляционный кокон, подключённого к системе жизнеобеспечения, которая поддерживала метаболизм на одной сотой процента от нормы. Ряды уходили в полумрак – синеватый свет не доставал до противоположной стены, и дальние камеры тонули в темноте. Тысяча камер в блоке, но заполнены – двести пятьдесят. Остальные – пусты, ждут.

Индикаторы на каждой камере горели зелёным. Зелёный, зелёный, зелёный. Двести пятьдесят зелёных огней в полумраке – как светлячки на стенах пещеры.

Огендо шёл вдоль ряда и смотрел. Не на индикаторы – на лица. За стеклом каждой камеры было видно лицо: бледное, неподвижное, с закрытыми глазами, с инеем на ресницах. Живые, но не живущие. Остановленные на полуслове – кто-то из них ложился с улыбкой, кто-то – с тревогой, и теперь их выражения были зафиксированы на десятилетия.

– Привет, – сказал Огендо камере номер 0017. Женщина, лет тридцати, с короткими тёмными волосами. Геолог из Марсианского университета. Он не помнил имени, но помнил, что она спросила перед погружением: «А там правда будут камни?» Он ответил: «Целая планета камней.» Она улыбнулась, и эта улыбка – лёгкая, предвкушающая – осталась на её лице, замороженная.

– Спи, – тихо сказал Огендо и пошёл дальше.

Криоблок номер два. Двести пятьдесят камер. Зелёный, зелёный, зелёный. Криоблок номер три. Двести пятьдесят. Зелёный. Криоблок номер четыре.

Он остановился у входа.

Криоблок четыре был проблемным. Не визуально – внешне он выглядел точно так же: ряды камер, синий свет, тишина. Но Огендо знал его изнутри, как хирург знает больной орган: снаружи – гладко, внутри – патология. Криоконтур четвёртого блока показывал надёжность

девятьюстами четыре процента. Звучало нормально. Девятьюстами четыре из ста – хорошая оценка. Отлично даже.

Огендо ненавидел это число.

Он прошёл внутрь. Двести камер – заполнены. Зелёные индикаторы. Зелёный, зелёный, зелёный, зелёный... жёлтый.

Камера 4-0088. Жёлтый индикатор. Не красный – красный означал бы немедленную угрозу жизни. Жёлтый означал: параметры в пределах нормы, но один из контуров охлаждения показывает начальную деградацию теплообменника. Через год – может быть проблема. Через десять – вероятно. Через восемьдесят два...

– Через восемьдесят два – мёртв, – сказал Огендо камере 4-0088. За стеклом – мужчина, лет сорока пяти. Огендо не помнил его имени. Это было хуже всего: не помнить имени человека, которого, возможно, убил.

Он достал планшет и вызвал инженерную диагностику. Данные потекли по экрану – температурные кривые, давление хладагента, показатели теплообменных пластин. Четвёртый блок был построен последним, в спешке, когда стало ясно, что «Семя» нужно комплектовать быстрее первоначального графика. Огендо лично проверил каждый сварной шов, каждое соединение, каждый клапан. И всё равно – девятьюстами четыре.

Потому что проблема была не в сборке. Проблема была в проекте. Теплообменные пластины четвёртого контура были из партии, произведённой на Весте, – качественной, в пределах допуска, но с микроскопическими включениями примесей, которые при длительном контакте с криогенным хладагентом вызывали медленную коррозию. Медленную – значит, незаметную в первые годы. Значит, прогрессирующую. Значит, необратимую.

Замена пластин – четыре месяца. У них не было четырёх месяцев и до сегодняшнего дня.

Огендо стоял перед жёлтым индикатором и считал. Не в уме – на планшете, хотя мог бы и в уме: расчёт был простым, слишком простым для того, что он означал. Надёжность криоконтура при 94% на расчётный перелёт в 82 года давала математическое ожидание отказов в 6% камер. Десять тысяч колонистов. Шесть процентов.

Шестьсот.

Нет. Точнее. Амира считала точнее.

Он убрал планшет и вышел из четвёртого блока.

Доктор Амира Нкози ждала его в медицинском отсеке, и это никогда не было хорошим знаком. Нкози не ждала – она работала, и если она ждала, значит, то, что она хотела сказать, было важнее работы.

Медицинский отсек «Семени» находился на втором уровне жилого модуля – в зоне вращательной гравитации, три десятых g, достаточно, чтобы кровь не скапливалась в голове и чтобы хирургические инструменты не плавали по операционной. Светлый, чистый, почти уютный – насколько может быть уютным помещение, предназначенное для того, чтобы собирать людей обратно.

Нкози сидела за своим столом, и на столе лежал планшет с документом, который Огендо узнал по первой строке: «Прогнозная модель отказов криогенных систем «Семени» при расчётных параметрах перелёта». Он сам заказал этот отчёт. Три недели назад. Три недели, в которые он каждый день заходил к ней и спрашивал: «Готово?» – а она отвечала: «Когда будет готово, я приду сама.»

Она пришла.

– Том, – сказала Нкози. Сорок семь лет, невысокая, с гладко выбритой головой и очками, которые она упорно носила, хотя лазерную коррекцию делали бесплатно на любой орбиталь-

ной станции. «Очки помогают мне видеть людей, а не пациентов», – объяснила она однажды. Огендо не понял, но не стал спорить. – Садись.

– Я могу стоя, – сказал Огендо. Он знал, что «садись» означало: дальше будет плохо, и она хочет, чтобы расстояние между его головой и полом было минимальным.

– Садись, Том.

Он сел.

Нкози повернула планшет к нему экраном. Таблицы. Графики. Красные зоны.

– Ты знаешь цифру, – сказала она. Голос – ровный, академический, как на лекции. Она всегда так говорила о смерти: как о статистике, как о данных. Не от цинизма – от профессионализма, который за двадцать лет работы с криоконсервацией выработал в ней рефлекс: переводить ужас в таблицы. – Я хочу убедиться, что ты знаешь её правильно.

– Девяносто четыре процента надёжности, – начал Огендо. – Шесть процентов отказов при расчётном перелёте...

– Не округляй. – Нкози сняла очки, протёрла их краем халата, надела обратно. Ритуал, который означал: сейчас будет точное число. – При надёжности криоконтра девяносто четыре целых ноль три сотых процента и расчётном времени перелёта восемьдесят два года с учётом прогнозной деградации теплообменных пластин блоков три и четыре, математическое ожидание потерь составляет шестьсот четырнадцать субъектов.

Шестьсот четырнадцать. Не «около шестисот». Не «шесть процентов». Шестьсот четырнадцать.

– Субъектов, – повторил Огендо.

– Людей, – сказала Нкози. Тихо. – Шестьсот четырнадцать людей, которые лягут в камеры, доверяя нам, и не проснутся. Я провела моделирование двенадцать раз с различными начальными условиями. Разброс – от пятисот восьмидесяти до шестисот пятидесяти одного. Медиана – шестьсот четырнадцать.

Огендо откинулся на спинку стула. Три десятых g мягко тянули вниз, и это было почти уютно, почти как на Земле, которую он видел один раз в жизни, в двенадцать лет, и запомнил по ощущению невозможной тяжести – как будто планета хватала за каждую кость и говорила: «ты мой».

– Я знаю число, Амира, – сказал он. – Я первый его вычислил. За полгода до тебя. Я просто... – Он замолчал, потом снова заговорил, потому что молчание было хуже. – Я просто надеялся, что ошибся. Что ты придёшь и скажешь: «Том, ты идиот, ты забыл учесть коэффициент регенерации пластин», и число будет меньше. Сто, скажем. Или пятьдесят. Или – чёрт, хоть двести, но не шестьсот, потому что шестьсот – это...

– Шестьсот четырнадцать.

– Да. Спасибо. Именно столько.

Нкози смотрела на него поверх очков. Взгляд – не осуждающий, не сочувствующий. Диагностический. Она оценивала его, как оценивала пациента: температура, пульс, признаки шока.

– Есть вариант снижения, – сказала она. – Замена теплообменных пластин блоков три и четыре на партию с верфей Цереры. Чистый титановый сплав, без примесей. Прогнозная надёжность при замене – девяносто девять целых девять десятых процента. Потери – менее двенадцати субъектов.

– Двенадцать, – сказал Огендо.

– Менее двенадцати. Допустимый уровень для межзвёздного перелёта такой длительности.

– И сроки замены?

– Ты знаешь сроки.

– Четыре месяца. – Огендо потёр лицо ладонями. Запах на руках – машинное масло и герметик. Двадцать лет, и руки до сих пор пахли стройкой. – Четыре месяца, которых у нас нет. Которых не было и до того, как... – Он осёкся. Нкози не знала. Сообщение пришло два часа назад, и Огендо не успел – или не решился – сказать ей.

– До того, как что? – спросила Нкози.

Огендо посмотрел на неё. Потом на планшет с цифрой 614. Потом – на стену за её плечом, где висел плакат: схема человеческого тела в состоянии криоконсервации, все органы подписаны, все процессы размечены. Красивая, аккуратная схема, в которой каждая деталь имела место. Как проект «Семени». Как план, который он составлял двадцать лет. Как жизнь, которая должна была идти по графику, а теперь – не шла.

– Ковчег объявил «Семя» угрозой, – сказал он.

Нкози не шевельнулась. Только пальцы на столе – чуть сжались, будто хватаясь за поверхность.

– Флот идёт к Седне. Двенадцать кораблей. Расчётное время прибытия – восемнадцать дней.

– Восемнадцать, – повторила Нкози. Слово – ровное, академическое. Но Огендо видел, как изменился её взгляд: из диагностического – в нечто другое. Что-то, чему у неё, вероятно, не было медицинского термина.

– Восемнадцать дней, – подтвердил Огендо. – Вместо четырнадцати месяцев. Четырнадцать месяцев, которые нам нужны на достройку. На замену пластин. На доведение до девяноста девяти целых девяти десятых. – Он замолчал. Потом – снова заговорил, потому что тишина наполнялась числом 614, и оно звучало всё громче. – Восемнадцать дней, Амира. Я не могу заменить пластины за восемнадцать дней. Я не могу достроить четырнадцатую секцию. Я не могу довести жилой модуль до полной герметичности. Я могу – я могу закрыть критические уязвимости, протестировать парус, загерметизировать то, что есть, и...

– И запустить при девяноста четырёх.

– И запустить при девяноста четырёх.

Они смотрели друг на друга. Между ними – планшет с числом 614. За стеной – криозона, две тысячи спящих. За обшивкой – космос, и где-то в этом космосе – двенадцать кораблей, набирающих ускорение.

– Том, – сказала Нкози. Медленно. – При девяноста четырёх целых ноль трёх сотых и расчётном времени перелёта восемьдесят два года мы получаем математическое ожидание потерь в шестьсот четырнадцать субъектов. Не «около шестисот». Шестьсот четырнадцать. Я хочу, чтобы ты произнёс это число, прежде чем подпишешь запуск.

Огендо открыл рот. Число было на языке – шестьсот четырнадцать, три слога, пять слогов, шесть слогов, простая арифметика, голая статистика. Но голос не шёл. Произнести число означало принять его. Написать его на стене рядом со всеми оранжевыми метками, рядом со всеми швами, которые были на два миллиметра уже спецификации. Произнести – означало сказать: «Я знаю, что убью шестьсот четырнадцать человек. И я всё равно нажму кнопку.»

– Шестьсот четырнадцать, – сказал он.

Тишина. Три десятых *g* тянули вниз. За стеной – две тысячи спящих. За обшивкой – пустота.

– Хорошо, – сказала Нкози. Убрала планшет. Надела очки. – Теперь ты знаешь. И я знаю, что ты знаешь. И мы оба будем это помнить.

– Амира...

– Я не закончила. – Она встала. – Я против запуска при текущих параметрах. Это – моя официальная позиция, и она будет зафиксирована в бортовом журнале. Но. – Пауза. – Если альтернатива – не запустить и потерять всех десять тысяч, то вопрос не в том, сколько погибнут. Вопрос в том, какая смерть хуже.

Она вышла. Дверь закрылась – мягко, с тихим щелчком пневматического замка. Огендо остался один, в светлом медицинском отсеке, перед пустым столом, за которым минуту назад лежал планшет с числом, которое теперь было не на экране, а внутри него.

Шестьсот четырнадцать. Три слога, пять, шесть. Статистика. Люди.

Он встал и пошёл работать.

Работа – единственное лекарство, которое Огендо признавал. Не алкоголь (хотя Бектуров из конструкторского бюро гнал что-то из переработанных пищевых отходов, и это что-то даже отдалённо напоминало виски, если пить с закрытыми глазами). Не сон – Огендо спал по четыре часа, и это были четыре часа вынужденного перемирия с реальностью, не более. Работа. Руки на инструменте, глаза на данных, мозг – в задаче.

Он вернулся в технические тоннели и начал составлять список.

Список приоритетов для восемнадцатидневного графика – вместо четырнадцатимесячного.

Планшет в руке. Стилус. Пальцы – быстрые, привычные, двадцать лет тренировки.

Первый пункт: критические системы жизнеобеспечения. Рециркуляция воздуха и воды для бодрствующего экипажа – должна работать безотказно. Текущий статус – девяносто семь процентов. Доведение до девяноста девяти – двое суток. Выполнимо.

Второй пункт: герметизация незавершённых секций. Четырнадцатая секция – не достроена, но может быть изолирована от остального корабля аварийными переборками. Время – один день. Потеря: склад запчастей и одна из лабораторий. Допустимо.

Третий пункт: навигационные системы. Готовы на девяносто девять. Последний процент – калибровка звёздных сенсоров, которую можно завершить в полёте. Отложить.

Четвёртый пункт: парус. Готов. Единственная система, за которую не стыдно.

Пятый пункт: двигательная установка. Термоядерный двигатель – готов. Топливные баки – готовы. Загрузка He-3 – неполная, требуется конвой с Эриды. Без конвоя – недостаточно дельта-V для штатного торможения у Проксимы. Это – не его проблема, это проблема Флота Мандата. Но если конвой не придёт...

Шестой пункт: криосистемы.

Огендо остановился. Стилус завис над планшетом.

Криосистемы. Девяносто четыре. Шестьсот четырнадцать. Невозможно исправить за восемнадцать дней. Невозможно исправить за четыре месяца – потому что четыре месяца включали производство новых пластин на Церере, доставку к Седне и установку. Даже если бы война не началась, даже если бы флот Ковчега не вышел – четыре месяца были минимумом. Реалистичная оценка – шесть.

Огендо написал на планшете: «Криосистемы – 94%. Неизменяемо при текущих условиях.»

Неизменяемо.

Он продолжил список. Седьмой пункт, восьмой, девятый – системы, которые можно было довести до приемлемого состояния за восемнадцать суток. Некоторые – за десять. Некоторые – за пять. Огендо работал быстро, потому что каждый пункт был знакомым – он составлял этот список в голове каждый день в течение последних двух лет, просто раньше список заканчивался словами «и через четырнадцать месяцев – готово», а теперь заканчивался словами «и через восемнадцать дней – что получится».

Двадцать три пункта. Из них выполнимых за восемнадцать дней – шестнадцать. Частично выполнимых – четыре. Невыполнимых – три. Криосистемы – в последней категории.

– Подожди, – сказал он сам себе, замерев в тоннеле между шестой и седьмой секциями. Стены здесь были шире – магистральный коридор, через который можно было провезти гру-

зовую платформу. Потолок – четыре метра, роскошь по меркам технических уровней. Воздух пах сваркой – кто-то работал в соседней секции даже в три часа ночи. – Подожди. Нет, подожди. Я неправильно считаю. Я считаю так, будто у нас четырнадцать месяцев, просто сжатых до восемнадцати дней. Но это не так. Это – другая задача. Не «достроить корабль». А «сделать корабль достаточно готовым, чтобы он выжил».

Он развернул новый документ на планшете. Стилус – быстрее.

«Минимальная конфигурация для запуска», – написал он вверху. И начал вычёркивать. Лаборатория астробиологии – не нужна для запуска, достроить в полёте. Вторая оранжерея – не нужна, первой хватит на активный экипаж. Тренировочный зал – серьёзно? – не нужен. Резервный командный пост – подождёт. Каюты для колонистов, которые ещё не погружены в крио, – минимальная конфигурация, койки и воздух, остальное потом.

Список сжимался. Двадцать три пункта превратились в одиннадцать. Из одиннадцати – выполнимых за восемнадцать дней – девять. Частично выполнимых – один. Невыполнимых – один.

Криосистемы. По-прежнему. Всегда.

Огендо прислонился спиной к переборке. Металл обжёт лопатки через комбинезон – двенадцать градусов, вечный холод «Семени», к которому он привык настолько, что замечал только когда касался голой кожей. Закрыв глаза. В темноте под веками – число. 614. Оно горело, как жёлтый индикатор на криокамере 4-0088.

– Ладно, – сказал он темноте. – Ладно. Ты – число. Я – инженер. Мы будем жить вместе.

Он открыл глаза и двинулся дальше. В соседней секции кто-то работал – стук, шипение сварки, голоса. Огендо свернул на звук. За открытой переборкой – троица: два монтажника и бригадир, женщина по фамилии Чжоу, которая командовала внешним монтажом третьего криоблока и которая работала в три ночи, потому что, по её словам, «ночью стены не разговаривают».

– Чжоу, – сказал Огендо, заглядывая в секцию. – Как третий блок?

Чжоу обернулась. Маленькая, жилистая, с лицом, состоявшим, казалось, исключительно из углов. Сварочная маска поднята на лоб.

– Девяносто один. К утру будет девяносто два. Если дашь мне Паркера из утренней смены – к завтрашнему вечеру будет девяносто три.

– Паркер нужен на герметизации четырнадцатой, – сказал Огендо. И тут же: – Нет, подожди. Четырнадцатую мы изолируем, а не достроим. Паркер свободен. Забирай. Но Чжоу – мне нужен девяносто три к завтрашнему утру, не к вечеру.

– Это – двенадцать часов вместо двадцати четырёх.

– Это – двенадцать часов вместо «у нас нет времени».

Чжоу посмотрела на него. Потом – на монтажников. Потом – снова на него.

– Случилось что-то, – сказала она. Не вопрос.

Огендо помедлил. Информация о флоте Ковчега – ещё не была объявлена экипажу. Вестергаард – или кто бы ни координировал оборону – решит, когда и как. Паника строителей – последнее, что нужно «Семени» прямо сейчас. Но Чжоу работала на него девять лет, и она различала оттенки его голоса не хуже, чем Рашид – тепловые сигнатуры кораблей.

– Случилось, – сказал он. – Скоро узнаешь. А пока – девяносто три к утру.

Чжоу кивнула. Опустила маску. Вернулась к сварке. Огендо ушёл, и стук монтажа за его спиной зазвучал чуть быстрее, чем раньше.

В пять утра по бортовому времени Огендо добрался до инженерного отсека – своего кабинета, если слово «кабинет» можно применить к пространству три на четыре метра, заваленному планшетами, распечатками чертежей и пустыми стаканами из-под кофе. Кофе на

«Семени» был лучше, чем на кораблях Мандата – настоящий, из оранжереи, выращенный в марсианском грунте, который притащили сюда в качестве балласта и который оказался на удивление хорош для арабики. Маленькая победа. Единственная, которая не требовала компромиссов.

Он налил себе кофе – горячий, чёрный, с горечью, которая была не дефектом, а характером – и сел за терминал. Экран высветил привычный интерфейс: состояние систем «Семени», карта корабля, журнал событий. Всё – зелёное, зелёное, жёлтое. Как индикаторы в криозоне.

Огендо открыл список приоритетов, который составил в тоннеле, и начал распределять задачи по бригадам. Двести сорок семь человек активного экипажа – строители, техники, инженеры, медики, навигаторы. Двести сорок семь пар рук, которым нужно было за восемнадцать дней сделать то, на что планировалось четырнадцать месяцев. Математика не сходилась. Но математика – это не молоток. Молоток можно поднять быстрее, если бьёшь чаще.

Он проработал час. Потом ещё час. Кофе остыл, он выпил его холодным и не заметил. За иллюминатором инженерного отсека – крохотным, двадцать сантиметров, скорее смотровая щель – было видно звёзды, и среди них – Солнце, тусклое и далёкое. Огендо не смотрел. Он смотрел на план, и план обретал форму, как «Семья» когда-то обретало форму – из чертежей, в металл, в реальность.

Восемнадцать дней. Одиннадцать задач. Девять – выполнимых. Одна – частичная. Одна – нет.

На третьем часе работы терминал выдал уведомление. Не красное – системное. Ежедневный отчёт мониторинга криозоны. Автоматический, генерируемый ИИ каждые двадцать четыре часа: температурные профили, показатели камер, журнал доступа.

Огендо открыл отчёт на автомате – привычка проверять перед сменой. Температуры – норма. Давление хладагента – норма. Показатели камер – две тысячи зелёных, один жёлтый (4-0088, старый знакомый). Журнал доступа...

Он остановился.

Журнал доступа к криозоне фиксировал каждый вход и выход: имя, время, биометрическое подтверждение, зона. Огендо сам настаивал на этом – криозона была самой уязвимой частью «Семени», две тысячи беспомощных спящих людей, и доступ должен был быть контролируемым, отслеживаемым, прозрачным.

В журнале за последние сутки – четырнадцать записей. Двенадцать – штатные: бригады техников на плановом обходе, Нкози на утренней проверке, он сам – ночной обход, который только что завершил.

Тринадцатая запись: доступ к криоблоку №4. Время – 01:47 бортового. Имя – пустое.

Пустое.

Огендо моргнул. Перечитал. Имя – пустое. Биометрическое подтверждение – есть: система зафиксировала отпечаток и пропустила. Но поле имени – пустое. Сбой? Ошибка базы данных?

Он открыл необработанный лог. Данные – на месте. Температура пальца – 34.2°C, нормальная, живой человек. Отпечаток – есть, хэш совпадает с записью в базе экипажа. Но привязка к имени – обрезана. Как будто кто-то стёр связь между отпечатком и идентичностью. Не сам отпечаток – он остался. А – кто.

Четырнадцатая запись: доступ к криоблоку №4. Время – 02:23. Имя – пустое. Тот же отпечаток.

Тридцать шесть минут в криоблоке четыре. В два часа ночи. Без имени.

Огендо отставил кофе. Кружка качнулась на столе – три десятых g, всё качалось чуть медленнее, чем на Земле, и падало чуть мягче. Он посмотрел на экран. Потом – на иллюминатор, на звёзды, на далёкое Солнце.

Кто-то был в криозоне ночью. В том самом блоке, где жёлтый индикатор. В том самом блоке, за который Огендо отвечал головой. Кто-то – без имени, без причины, в два часа ночи.

Возможно – сбой в базе данных. Возможно – техник, забывший обновить идентификатор. Возможно – ерунда, мелкая аномалия, каких на строящемся корабле – десятки в день.

Но Огендо строил этот корабль двадцать лет. Он знал каждый шов. Он знал каждую систему. И он знал, что систему доступа к криозоне проектировал лично, и в ней не было ошибки, которая стирала бы имя, сохраняя отпечаток.

Кто-то это сделал намеренно.

Пальцы Огендо застыли над клавиатурой. Кофе стыл рядом – запах, который секунду назад был единственной нормальной вещью в мире, теперь не регистрировался. Мир сжался до размера экрана, до двух строк в журнале, до числа 01:47, до пустого поля, в котором должно было быть имя.

Восемнадцать дней. Двенадцать кораблей снаружи. И кто-то – внутри.

Огендо не произнёс ни слова. Впервые за этот день – не произнёс ни слова.

Глава 3: Приказ

Корвет «Надежда Тяньцзиня», в составе оперативной группы Ковчега День 1. 17 дней до Битвы при Седне

Конверт был физическим. Бумага, клей, сургуч с оттиском Адмиралтейства Ковчега – орёл с оливковой ветвью, которую кто-то из геральдистов двести лет назад посчитал символом мира. Лиза Чень держала его двумя руками, и бумага чуть подрагивала, но это был двигатель – «Надежда Тяньцзиня» шла на половине g, и мелкая вибрация термоядерного привода проходила через корпус, через палубу, через подошвы ботинок, через пальцы. Не руки дрожали. Корабль.

Каюта капитана на корвете класса «Цзянь» была два на три метра – роскошь, если сравнивать с полутораметровыми ячейками экипажа. Койка, складной стол, терминал, шкафчик. На стене – фотография: порт Тяньцзиня, закат над рекой Хайхэ, рыжий свет на воде. Чень не была в Тяньцзине пятнадцать лет. Не была на Земле двенадцать. Фотография напоминала ей не о доме – о том, что «дом» существовал как концепция, даже если она больше не могла найти его на карте собственной памяти.

Она сломала сургуч.

Внутри – один лист. Плотная бумага, водяные знаки. Текст – напечатан, не рукописный, но с подписью от руки внизу: адмирал Хэ Чжэньюй, командующий оперативной группой «Метель». Чень знала его подпись – видела на шести документах за свою карьеру. Каждый раз подпись означала что-то, после чего жизнь становилась сложнее.

Она прочитала.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО / «СИГМА» / ЛИЧНО КАПИТАНУ

Капитану корвета «Надежда Тяньцзиня» Чень Лицзюнь.

Приказ №417-С/М.

Вам предписывается: отделиться от оперативной группы «Метель» в точке «Кассиопея» (координаты прилагаются). Перевести корабль в режим баллистического дрейфа с полным прекращением активных излучений. Следовать по расчётной траектории к объекту «Семя» (орбита Седны). Расчётное время дрейфа – 11 суток.

По прибытии в зону досягаемости – нейтрализовать объект «Семя» как угрозу безопасности Солнечной системы.

Допустимые средства: все имеющиеся в распоряжении.

Параграф 7 (дополнение): В случае невозможности нейтрализации штатными средствами, приказ допускает полное уничтожение объекта.

Хэ Чжэньюй, адмирал, командующий ОГ «Метель»

Приложение: навигационные координаты, расчёт траектории, коды подтверждения.»

Чень прочитала приказ дважды. Потом – в третий раз, но теперь – не текст, а слова. Каждое отдельно, как деталь механизма, который она разбирала на составные части.

Нейтрализовать. Не «уничтожить». Не «атаковать». Нейтрализовать – слово из протоколов деактивации боеприпасов. Сделать безвредным. Как будто «Семя» – бомба, а не корабль с десятью тысячами спящих людей.

Допустимые средства: все имеющиеся в распоряжении. Четыре торпеды класса «Чжунцзюэ» с термоядерными боеголовками. Два малокалиберных рейлгана. Лазерная система ПРО, которую можно использовать для точечного повреждения. «Все имеющиеся» – значит, всё. Значит, выбор за ней. Значит, ответственность – тоже.

Приказ допускает полное уничтожение объекта.

Допускает. Не «предписывает». Допускает. Язык, который оставлял зазор – для интерпретации, для отчётности, для трибунала, который, возможно, будет потом. «Мы не приказывали уничтожать. Мы допускали. Капитан приняла решение самостоятельно.» Страховка. Не для неё – для тех, кто подписал.

Чень положила лист на стол. Бумага – белая, чистая, ровная. Слова на ней – чёрные, аккуратные, отформатированные по стандарту военной документации: поля, шрифт, интервалы. Красивый документ. Если не читать – можно повесить в рамку.

Она встала, подошла к иллюминатору. Здесь, на корвете, иллюминатор был шире, чем на эсминцах Мандата, – тридцать сантиметров. Привилегия кораблей Ковчега: Внутренние планеты строили с чуть большим запасом на комфорт, потому что могли себе позволить. Через стекло было видно звёзды и – если повернуть голову вправо – тусклые точки остальных кораблей «Метели», идущих параллельным курсом. Двенадцать кораблей. Два тяжёлых крейсера, четыре фрегата, четыре корвета – включая «Надежду», – два корабля поддержки. Флот, достаточный для того, чтобы контролировать любой объект в Поясе Койпера.

Достаточный для того, чтобы уничтожить «Семя», не вспотев.

Чень прижала ладонь к стеклу. Холодное – но не так, как будет через двенадцать часов, когда двигатели замолчат. Ещё тёплое от работающего реактора, от жизнеобеспечения, от двигателя, который давал половину g и создавал иллюзию нормальности. Скоро этой иллюзии не будет.

Она посмотрела на приказ. На слово «нейтрализовать». На слово «допускает».

Lèih go jeuih gát jough, подумала она на кантонском. Ты действительно собираешься это сделать.

Чень не была идеалисткой. Она была офицером флота с тринадцатью годами выслуги, тремя боевыми походами, двумя наградами за операции в Поясе и одним выговором – за то, что во время инцидента на Палладе отказалась стрелять по транспорту, на котором были гражданские. Выговор сняли через полгода, когда расследование подтвердило, что на транспорте действительно были гражданские. Но полгода – шесть месяцев – она ходила с этим выговором, как с ожогом.

Она верила в Ковчег. Верила, что ресурсы Солнечной системы конечны и что разбрасывать их на авантюру – безответственно. Верила, что десять тысяч жизней, отправленных к звезде, от которой, может быть, не вернуться – это не инвестиция, а расточительство. Человечество было единственным разумом во вселенной – и это означало, что нужно беречь каждую жизнь здесь, а не бросать их в пустоту.

Она верила в это.

Но «нейтрализовать» – это не «сберечь». И «допускает уничтожение» – это не «беречь жизни».

Чень сложила приказ. Убрала в карман – не в сейф, не в папку. В карман, ближе к телу. Её карман. Её приказ. Её решение.

Она вышла из каюты.

Кают-компания «Надежды Тяньцзиня» была рассчитана на двадцать человек – если прижать столы к стенам и убрать стулья, можно было втиснуть тридцать четыре. Именно столько составлял полный экипаж корвета: четырнадцать офицеров и двадцать матросов. Все – здесь, стоя, потому что сидеть было не на чем.

Чень вошла последней. Тридцать три пары глаз – не все смотрели на неё, некоторые смотрели друг на друга, некоторые – в пол, но все – ждали. Сбор всего экипажа без объяснения причин – событие, которое на корабле размером с «Надежду» не проходило незамеченным. Люди знали: случилось что-то. Вопрос – что.

Чень встала у переборки, под информационным экраном, на котором обычно транслировался курс и расчётное время прибытия. Экран был выключен. Она выключила его перед собранием, потому что через двадцать минут информация на нём перестанет соответствовать действительности.

– Экипаж «Надежды Тяньцзиня», – начала она. Голос – уставной, ровный, тот голос, который формируется годами рапортов и приказов, как мозоль формируется годами работы. – Мы получили специальное задание от командующего оперативной группой «Метель».

Тишина. Тридцать три человека – плечо к плечу. Тесно. Жарко – тридцать четыре тела в замкнутом пространстве, рециркуляция не справлялась с теплом. Запах пота, металла и переработанного воздуха.

– Через шесть часов, – продолжила Чень, – мы отделимся от группы. Переведём корабль в режим баллистического дрейфа. Полное прекращение активных излучений: двигатели, радары, связь, некритические системы. Время дрейфа – одиннадцать суток.

Она сделала паузу. Не для эффекта – для того, чтобы дать информации осесть. Баллистический дрейф. Одиннадцать суток. Каждый человек в этой комнате знал, что это значит: холод, темнота, минимум кислорода. Корабль превращается из машины в снаряд – летящий по инерции кусок металла, в котором тридцать четыре человека дышат, едят и ждут.

– Цель дрейфа – подход к объекту «Семя» на орбите Седны. Наша задача – нейтрализация объекта.

Слово «нейтрализация» упало в тишину, и тишина изменилась. Стала плотнее, тяжелее, как воздух перед грозой, хотя на корвете гроз не бывало – только перепады давления в вентиляционной системе.

Первым заговорил Фелл.

Лейтенант Маркус Фелл – первый помощник, тридцать три года, худощавый, с лицом, которое было создано для уставных фотографий: чёткие линии, прямой взгляд, ни одного лишнего выражения. Навигатор от бога – он рассчитал половину маршрутов «Надежды» за последние два года и ни разу не ошибся больше чем на сотую долю процента. Фелл верил в Ковчег не как в политическую позицию – как в математику: ресурсы конечны, уравнение не сходится, ковчег – ошибка.

– Капитан, – сказал Фелл. Голос – ровный, чёткий. Академия оставила отпечаток, который не стирался. – Разрешите уточнить. Нейтрализация объекта – подразумевает захват, деактивацию или уничтожение?

– Приказ формулирует: нейтрализация всеми доступными средствами, – ответила Чень. Уставной язык как щит: если произносишь слова из документа – ответственность делится с документом. – В случае невозможности нейтрализации – приказ допускает уничтожение.

Фелл кивнул. Одно движение, точное, как поправка навигационного курса.

– Понял. Разрешите приступить к расчёту баллистической траектории.

– Приступайте.

Фелл повернулся и начал пробираться к выходу. Для него – всё. Приказ получен, задача ясна, параметры определены. Математика. Чень смотрела ему в спину и думала: когда он рассчитает траекторию, она станет реальнее. Числа на экране – конкретнее слов на бумаге. И тогда это перестанет быть приказом и станет фактом.

Не все отреагировали как Фелл.

– Капитан, – голос из задних рядов. Мичман Ковальчук, оружейный техник, двадцать четыре года, бледная, с тёмными кругами под глазами – она плохо спала в невесомости и плохо спала при тяге, в общем, плохо спала. – Капитан, на «Семени» десять тысяч человек. Гражданских.

– Две тысячи в криосне, – поправила Чень. – Остальные – на пути к Седне или ожидают погружения. Активный экипаж – двести пятьдесят.

– Это всё ещё двести пятьдесят человек, мэ.

– Я знаю, сколько это, Ковальчук.

Тишина. Кто-то переступил с ноги на ногу – магнитные ботинки щёлкнули о палубу. Двойной щелчок, как два выстрела.

– Ещё вопросы, – сказала Чень. Не вопрос. Приглашение.

– Как насчёт кислорода, мэ? – Старшина первой статьи Парра, инженер-механик, сорок один год, ветеран четырёх дальних походов. Он задал правильный вопрос – не моральный, а практический. Мораль не влияла на давление в баллонах. – Одиннадцать суток при полном отключении – это значит, рециркуляция на минимуме. Какой расчётный запас?

– Двенадцать суток при минимальном расходе, – ответила Чень. – Запас – одни сутки.

– Одни сутки, – повторил Парра. Медленно, будто пробуя слова на вес. – Это при условии, что никто не запаникует, не начнёт дышать чаще, что система не даст сбой, что температурный режим...

– Старшина.

– Мэм?

– Вы задали вопрос. Я ответила. Двенадцать суток. Этого достаточно?

Парра посмотрел на неё. Потом – на людей вокруг. Тридцать три лица в тесной кают-компании, тридцать три пары лёгких, которые будут делить один и тот же воздух одиннадцать дней.

– Достаточно, мэ, – сказал он.

– Хорошо.

Чень обвела взглядом кают-компанию. Лица – разные. Фелл – уже у двери, спина прямая, разум – в расчётах. Ковальчук – бледная, с вопросом, на который Чень не ответила, потому что на него не было ответа в рамках устава. Парра – практичный, принявший. Остальные – спектр от решимости до тихого ужаса.

Был один, кто не задал вопросов.

Матрос первого класса Дин – связист, двадцать два года, самый молодой на корвете. Стоял у стены, руки по швам, лицо – неподвижное. Он смотрел не на Чень – на экран за её спиной. Выключенный экран, на котором ещё час назад были курс и расчётное время. Сейчас – чёрный прямоугольник. Дин смотрел на него так, будто видел что-то за чернотой.

– Порядок действий, – сказала Чень, возвращая внимание. – Шесть часов – подготовка. Лейтенант Фелл рассчитывает траекторию. Старшина Парра – перевод систем жизнеобеспечения на аварийный режим. Мичман Ковальчук – проверка и консервация оружейных систем. Все остальные – личная подготовка: спальные мешки, дополнительная одежда, распределение по отсекам. В дрейфе – минимальная активность. Физические упражнения – дважды в сутки, двадцать минут, по расписанию. Приём пищи – дважды в сутки, холодные рационы. Проверка траектории – каждые шесть часов, пассивные сенсоры. Горячая линия связи с мостиком – постоянно.

Она сделала паузу. Последнее.

– Режим тишины. С момента отключения двигателей – никаких активных излучений. Никаких. Это значит: никакого радио, никаких радаров, никаких навигационных маяков. Мы будем невидимы. И глухи. Одиннадцать дней.

Тишина, которая последовала, была репетицией тех одиннадцати дней.

– По местам, – сказала Чень. – Шесть часов.

Люди начали выходить. Тесно, медленно, плечо к плечу – коридор корвета не позволял двоим идти рядом, и экипаж вытягивался в цепочку, как патроны в магазине. Чень стояла у переборки и смотрела, как они проходят мимо. Тридцать три лица. Некоторые встречали её взгляд, некоторые – нет.

Ковальчук задержалась у двери. Обернулась.

- Мэм, – сказала тихо, почти шёпотом. – Я знаю, что это приказ. Но – десять тысяч, мэм.
- Я слышу вас, мичман.

Ковальчук ушла. Чень осталась одна в пустой кают-компании, с выключенным экраном за спиной и приказом в кармане.

Sahp-maahn go yàhn. Десять тысяч человек. На кантонском это звучало тяжелее. Числа на родном языке всегда тяжелее – они ближе к тому месту в голове, где живёт совесть.

Фелл принёс расчёт через три часа. Чень ждала его на мостике – маленьком, шесть кресел, экраны полукругом, потолок – едва выше головы. Мостик корвета класса «Цзянь» проектировали для эффективности, не для комфорта: минимум пространства, максимум функций. Чень иногда казалось, что она командует не кораблём, а подводной лодкой – тесной, погружённой не в воду, а в пустоту.

Фелл встал перед навигационным экраном. Планшет – в руке, данные – уже выведены на дисплей. Траектория: белая дуга от текущей позиции «Надежды» к жёлтой точке Седны, с учётом гравитационного влияния далёких объектов Пояса Койпера – ничтожного, но на дистанции в шестьдесят а.е. даже ничтожное накапливалось.

– Баллистическая траектория, – начал Фелл. Голос – как на академическом экзамене: чёткий, структурированный. – Отделение от «Метели» в точке «Кассиопея», расстояние до Седны – шестьдесят одна целая три десятых астрономических единицы. Начальная скорость – от текущего разгона – даёт время дрейфа одиннадцать суток и четырнадцать часов. Отклонение от расчётной точки прибытия – менее ноль-ноль-один градуса при текущих начальных условиях.

– Погрешность? – спросила Чень.

– На одиннадцатый день – ноль целых ноль-ноль-три градуса. При таком отклонении промах мимо «Семени» – около восьмисот километров. В пределах досягаемости торпед.

– Если отклонение вырастет?

– Если вырастет до ноль целых ноль-один – промах три тысячи километров. За пределами эффективной дальности. Потребуется коррекция.

– Коррекция – двигатели. Двигатели – обнаружение.

– Так точно.

Чень посмотрела на траекторию. Белая линия на чёрном фоне – тонкая, уверенная, как след ножа на коже. Одиннадцать суток полёта по прямой, без возможности свернуть, затормозить или ускориться. Снаряд. Они станут снарядом.

– Маневровые двигатели, – сказала она. – Если потребуется коррекция – маневровые, не основные. Тепловой след?

Фелл помедлил. Первый раз за три года совместной службы Чень увидела, как он подбирает слова – не потому что не знал ответа, а потому что ответ был неудобным.

– Маневровые двигатели – минимальный тепловой импульс. Одна-две секунды тяги. На расстоянии свыше пяти а.е. – не обнаружим стандартными сенсорами. На расстоянии менее пяти – зависит от чувствительности оборудования противника.

– Флот Мандата. Эсминец «Тишина». Какие сенсоры?

– Лучшие в Поясе, – ответил Фелл без выражения. – Экипаж Кацураги. Если кто-то нас найдёт – это они.

Чень кивнула. Кацураги. Она не знала Рин лично – разные флоты, разные стороны политического спектра. Но имя было известно: Церера. Тактический офицер, который спас корабль, пожертвовав абордажной группой. Семь человек. Рин Кацураги принимала решения, от которых люди умирали, и принимала их правильно. Это делало её опасной.

– Допустим, нас обнаружат, – сказала Чень. – Варианты?

– Бой. Корвет против эсминца – неблагоприятное соотношение. У «Тишины» – два рейлгана, шесть торпед. У нас – два рейлгана малого калибра, четыре торпеды. В прямом столкновении – проигрываем.

– А если нас не обнаружат?

– Выходим на позицию перехвата. Четыре торпеды – достаточно для нейтрализации объекта типа «Семя». Конструкция ковчега – гражданская, без бронирования. Одно попадание – критические повреждения. Два – уничтожение.

Одно попадание. Критические повреждения. Слова, за которыми стояли разорванные переборки, декомпрессия, криокамеры, выброшенные в вакуум, – тела, которые замёрзнут прежде, чем успеют осознать, что умирают.

Чень молчала. Три секунды. Пять. Десять.

Фелл ждал. Он умел ждать – это было одно из качеств, за которые Чень его ценила. Он не заполнял паузы, не переспрашивал, не нервничал. Стоял и ждал, как навигационный маяк стоит и ждёт – потому что в этом его функция.

– лейтенант, – сказала Чень. – Подготовьте корабль к отделению. По вашему расчёту.

– Есть.

Фелл вышел. Чень осталась одна на мостике. Экраны светились – ещё. Двигатель гудел – ещё. Тепло – ещё. Через пять часов – ничего из этого не будет.

Она открыла навигационный дисплей и посмотрела на траекторию. Одиннадцать суток и четырнадцать часов. Белая линия. Прямая. Необратимая.

Регламент ВМС Ковчега, раздел 3, параграф 12: «Капитан корабля несёт полную ответственность за выполнение приказа и за последствия его выполнения». Полную ответственность. Не частичную, не разделённую с адмиралом Хэ или с Советом Безопасности Ковчега. Полную. Её.

Регламент, раздел 7, параграф 1: «Приказ вышестоящего командира подлежит безусловному выполнению, за исключением случаев, когда выполнение приказа явно противоречит нормам военного права». Явно. Не «возможно», не «по мнению капитана» – явно. Десять тысяч спящих гражданских – это «явно» или «по мнению капитана»? Они – комбатанты? Мандат Седны – признанное образование или мятежная колония? «Семя» – гражданский корабль или военный объект?

Юристы Ковчега – те же, что написали приказ, – нашли ответы на все эти вопросы. «Семя» классифицировано как «объект двойного назначения с военным потенциалом». Колонисты – «лица, находящиеся в зоне военных действий по собственному выбору». Мандат Седны – «непризнанное территориальное образование».

Язык. Всегда – язык. Слова, которые превращают людей в объекты, выбор – в обстоятельства, а убийство – в нейтрализацию.

Чень закрыла дисплей. Встала. Прошла с мостика к своей каюте – тридцать шагов по узкому коридору, мимо ячеек экипажа, из которых доносились голоса, шуршание вещей, стук – люди готовились. К чему – каждый понимал по-своему.

В каюте она села на койку и достала из кармана приказ. Бумага – мягкая от тепла тела. Она перечитала его ещё раз.

«...приказ допускает полное уничтожение объекта.»

Допускает. Не предписывает.

Значит – решение за ней.

Чень сложила приказ. Убрала в нагрудный карман. Застегнула.

За час до отделения Парра доложил о готовности систем жизнеобеспечения.

– Аварийный режим, мэм. Рециркуляция – тридцать процентов мощности. Отопление – отключаю полностью. Освещение – аварийное, красные диоды. Горячая вода – нет. Пищевые нагреватели – нет. Температура начнёт падать сразу после отключения двигателя. Прогноз: плюс четырнадцать через час, плюс десять через три часа, плюс четыре – через семь-восемь часов. Дальше стабилизируется на четырёх-пяти – теплоизоляция корпуса и тепло тел удержат.

– Четыре градуса, – повторила Чень.

– Так точно. Рекомендую: спальные мешки, дополнительные слои одежды, физическая активность по расписанию. Без отопления – обморожения начнутся через четыре-пять часов незащищённого контакта с переборками.

– Понял, старшина. Оповестите экипаж.

– Есть.

Парра ушёл. Чень посмотрела на термометр на переборке: двадцать два градуса. Стандарт для кораблей Ковчега – на шесть градусов теплее, чем на кораблях Мандата. Маленькая роскошь, которая через два часа станет воспоминанием.

За тридцать минут до отделения – последний сеанс связи. Чень зашла в шифровальную рубку – закуток два на два метра с терминалом и глушилкой – и отправила подтверждение адмиралу Хэ: «Приказ получен. Приступаю к выполнению. Время отделения – 18:00 бортового. Чень.» Сорок два символа. Последние слова, которые «Надежда Тяньцзиня» скажет кому-либо за пределами собственного корпуса в течение одиннадцати дней.

Ответ – не придёт. Задержка связи с флагманом «Метели» – два часа. К моменту получения ответа «Надежда» будет в дрейфе, с выключенным приёмником. Одностороннее сообщение. Монолог в пустоту.

За десять минут – Чень на мостике. Фелл – на навигации. Рулевой Сунь – на штурвале, хотя «штурвал» – преувеличение: панель управления маневровыми двигателями, которая через десять минут станет бесполезной. Связист Дин – на своём месте, наушники на голове, руки на клавиатуре – в последний раз.

– Дин, – сказала Чень. – Статус.

– Последнее подтверждение отправлено, мэм. Эфир – чист на всех частотах. Ближайший контакт – «Метель», два часа задержки. Второй контакт – стандартный шум Седны. Никаких аномалий.

– Хорошо. Через две минуты – отключайте передатчик. Приёмник – в пассивный режим, запись без оповещения.

– Есть.

Чень повернулась к Феллу.

– Навигация.

– Траектория подтверждена. Точка отделения – через четыре минуты. Отклонение – ноль.

– Двигатели.

Парра – по внутренней связи из машинного отделения:

– Реактор готов к переводу в дежурный режим. Двигатели – готовы к отключению по команде. Системы жизнеобеспечения – аварийный режим, ожидаю подтверждения.

– Подтверждаю, – сказала Чень. – Перевод при отключении двигателей.

– Есть.

Четыре минуты. Чень стояла в центре мостика – стоять можно было только в одном месте, между креслом капитана и навигационной консолью, – и слушала корабль. Гул двигателя – ровный, низкий, как нота, которая звучит так долго, что перестаёшь её замечать. Только сейчас, зная, что через четыре минуты она прекратится, Чень слышала её по-настоящему. Двигатель – сердцебиение корабля. Через четыре минуты сердце остановится.

Три минуты.

– Экипаж – по отсекам, – приказала Чень по общей связи. – Закрепитесь. Переход к невесомости через три минуты.

Две минуты.

Фелл повернулся к ней. Впервые за весь день – выражение на лице. Не страх – не то, в чём можно было упрекнуть. Ожидание. Как у человека, который стоит на краю бассейна и знает, что вода холодная, но прыгать всё равно нужно.

– Капитан, – сказал он. – По вашей команде.

Одна минута.

Чень положила руку на поручень над головой. Когда тяга исчезнет – поручень станет единственной связью с «верхом» и «низом». Пальцы сжались. Металл – тёплый.

– Двигатели – стоп, – сказала Чень.

Парра из машинного:

– Двигатели – стоп. Выполняю.

Гул начал стихать. Не сразу – постепенно, как звук удаляющегося поезда, как голос, который уходит в коридор, как – нет. Не «как». Чень запретила себе метафоры. Двигатель снижал тягу по регламентной кривой: от половины g до нуля за девяносто секунд. С каждой секундой пол становился менее надёжным. Тело легчало. Внутренности начали медленный, тошнотворный подъём – желудок, кишечник, лёгкие, – всё, что привыкло к «вниз», теряло ориентир.

Семьдесят секунд. Гул – тише. Вибрация – слабее. Пальцы на поручне – крепче.

Пятьдесят секунд. Чень чувствовала, как ботинки теряют контакт с палубой. Магнитные подошвы ещё держали, но вес уходил, и каждый шаг стал бы прыжком.

Тридцать секунд. Гул – почти неслышимый. Шёпот. Кто-то на мостике шумно сглотнул – звук, который в нормальных условиях остался бы незаметным, здесь прозвучал как удар.

Десять секунд.

Пять.

Тишина.

Не абсолютная – абсолютной тишины на корабле не бывает. Рециркуляция на тридцати процентах давала тонкий, почти неслышимый шелест. Где-то щёлкнул клапан. Кто-то выдохнул.

Но двигатель – замолчал.

Чень висела на поручне. Ноги – в сантиметре от палубы, магнитные ботинки тянули вниз, но не тело – тело хотело быть везде и нигде. Невесомость навалилась, как тошнота: не мгновенно, а волной, поднимающейся из живота к горлу. Чень сглотнула. Привыкнешь. Через час – привыкнешь. Через день – перестанешь замечать. Через одиннадцать дней – забудешь, каково это, когда «вниз» существует.

– Двигатели – отключены, – доложил Парра. Его голос из динамика внутренней связи звучал странно без фоновой вибрации двигателя – голый, незащищённый. – Реактор – дежурный режим. Жизнеобеспечение – аварийное. Температура на мостике – двадцать один.

Двадцать один. Через час – четырнадцать. Через три – десять. Через семь – четыре.

– Дин, – сказала Чень. – Передатчик.

– Отключаю, мэ.

Щелчок. Негромкий, механический – реле, разрывающее цепь. Передатчик мёртв. «Надежда Тяньцзиня» перестала существовать для вселенной. Ни сигнала, ни тепла, ни света. Тридцать четыре человека в металлической коробке, летящей по инерции через пустоту, – невидимые, неслышимые, несуществующие.

– Фелл, – сказала Чень. – Начальные параметры.

– Курс – подтверждён. Скорость – двадцать три и четыре десятых километра в секунду. Отклонение – ноль. Время до прибытия – одиннадцать суток четырнадцать часов. – Пауза. – Мы на траектории, капитан.

– Хорошо. – Чень отпустила поручень. Тело поплыло, и она позволила ему – на секунду, не больше, – прежде чем ухватилась за спинку кресла и подтянулась в ложемент. Ремни – привычным движением. Щелчок, щелчок, щелчок. Три точки фиксации. – Первая вахта – моя. Фелл – подмените через четыре часа. Остальные – по отсекам. Отдыхайте. Завтра будет длинный день.

Люди начали уходить с мостика. Медленно – в невесомости каждое движение требовало контакта с поверхностью: поручень, стена, выступ. Чень смотрела, как они плывут к двери – неуклюже, как новорождённые, заново учащиеся двигаться в мире, где нет «вниз».

Фелл задержался у выхода.

– Капитан, – сказал он. Тихо, чтобы только она слышала. – Одиннадцать дней – это много. Для экипажа. В темноте и холоде.

– Я знаю.

– Я хотел сказать... – Он осёкся. Первый помощник, который всегда знал, что сказать, – замолчал. Потом: – Экипаж выполнит задачу. Я в этом уверен.

Чень посмотрела на него. Фелл верил. Не в неё – в задачу. В математику: ресурсы конечны, ковчег – ошибка, приказ – логичен. Для него это было ясно, как траектория. Белая линия на чёрном фоне. Прямая.

– Спасибо, лейтенант, – сказала Чень. – Четыре часа. Отдыхайте.

Фелл ушёл. Мостик опустел.

Чень сидела в кресле, пристёгнутая ремнями, и слушала. Шелест рециркуляции – единственный звук, тонкий, как нить. Темнота – почти полная: она приказала перевести освещение в ночной режим, и красные аварийные диоды давали ровно столько света, чтобы не врезаться в переборку. Экраны приборов – выключены, кроме навигационного: тусклая белая точка «Надежды» на чёрном фоне, ползущая по белой линии.

Температура – девятнадцать. Уже чувствовалось – не холод ещё, но отсутствие тепла. Разница тонкая, но реальная: когда обогреватели работают, воздух несёт тепло к коже, окутывает, защищает. Когда обогреватели мертвы – воздух просто есть. Нейтральный. Индифферентный. И тело начинает отдавать тепло, медленно, неощутимо, как часы теряют время.

Чень подняла руку к нагрудному карману. Приказ – внутри. Бумага. Сургуч. Подпись.

Нейтрализовать.

Она опустила руку.

На навигационном экране – белая точка продолжала ползти. Одиннадцать суток. Четырнадцать часов. Впереди – ничего: пустота, холод, тьма. В конце – «Семя». Десять тысяч спящих. Четыре торпеды.

Корвет летел.

Время текло.

Температура падала.

Потом – звук. Не из рециркуляции, не из динамика, не из приборов. Из корпуса. Из самого металла – длинный, тягучий, стонущий скрип, как будто «Надежда Тяньцзиня» вздохнула. Термическое сжатие: без двигателя, без тепла реактора обшивка начала остывать неравномерно – внешний слой быстрее внутреннего – и металл сжимался, сопротивлялся, стонал.

Чень замерла. Скрип прошёл по корпусу от носа к корме – медленно, будто кто-то провёл ногтем по всей длине корабля. Потом – тишина. Потом – ещё один, короче, резче, как хруст кости.

Корабль привыкал к холоду.

Чень закрыла глаза. Красные отсветы диодов исчезли за веками, и темнота стала полной. Один вдох. Два. Пар – она не видела, но чувствовала: лёгкое влажное прикосновение к губам при выдохе, которого час назад не было.

Одиннадцать суток.

Четыре градуса.

Четыре торпеды.

И тишина – давящая, живая, заполненная скрипом остывающего металла, – тишина, которая будет расти и густеть с каждым часом, с каждым градусом, с каждым днём, пока не станет единственным, что осталось.

Глава 4: Варана

Поле обломков разрушенной станции Варана, 8 а.е. от Седны День 3. 15 дней до Битвы при Седне

Варана умерла двенадцать лет назад, но не упокоилась.

Рин увидела её на сенсорах за шесть часов до подхода – не как объект, а как шум. Инфракрасный диапазон превратился в кашу: тысячи источников тепла, слабых, рассеянных, перекрывающих друг друга. Обломки станции – от пылинок до стометровых секций жилых модулей – медленно вращались, сталкивались, разлетались, снова сталкивались. Каждое столкновение давало микровспышку тепла. Каждая секция, повёрнутая к далёкому Солнцу, нагревалась на полградуса больше теневой стороны. Каждый осколок отражал, поглощал, переизлучал – и весь этот хаос сливался на экране Рашида в мерцающее белое пятно.

– Я ослеп, – сказал Рашид. Не доклад – констатация, произнесённая тем тоном, каким другой человек сказал бы: «Я мёртв.» Пальцы металась по панели, переключая фильтры – инфракрасный, радиолокационный, оптический. Каждый давал свою версию хаоса. – Инфракрасный – шум, отношение сигнал-шум ниже единицы. Радар – множественные отражения, ИИ не может выделить цели. Оптический – вижу обломки, но за обломками – ничего. Мэм, я не могу найти конвой.

– Он там, – сказала Рин.

– Я знаю, что он там. Я не могу его видеть.

Рин посмотрела на тактический экран. Поле обломков Вараны занимало участок пространства примерно тридцать на двадцать километров – крошечное по космическим меркам, огромное по человеческим. Бывшая добывающая станция: триста человек персонала, три рудовоза, перерабатывающий комплекс. Двенадцать лет назад – авария реактора. Взрыв разнёс станцию на куски, и куски разлетелись, но недостаточно далеко, чтобы исчезнуть. Они остались – облако мёртвого металла, вращающееся вокруг общего центра масс, медленно расширяющееся, медленно остывающее. Кладбище, которое не позволяло себя похоронить.

И где-то внутри – конвой Не-3. Четыре танкера, один фрегат эскорта Мандата – «Нарвал», – и два фрегата Ковчега, которые должны были перехватить конвой раньше Рин. Если не перехватили уже.

– Ли, – сказала Рин. – Дистанция до внешней границы поля.

– Четыреста двадцать километров, мэм. При текущей скорости – вход через сорок минут.

– Дельта-V.

– Шестьдесят процентов.

Шестьдесят. Три дня перехода от Седны сожгли сорок процентов топлива. Возврат с конвоем потребует ещё шесть – десять, в зависимости от маневрирования. Если она потратит больше двадцати двух процентов на бой, – не вернётся. Двадцать два процента на всё: на позиционирование, на уклонение, на стрельбу, на торможение, на буксировку. Двадцать два процента – и это при условии, что она победит.

– Камински, – сказала Рин. – Торпедный статус.

– Шесть торпед, все зелёные. – Камински чуть повернулся в ложементе, не отрывая глаз от оружейной панели. – Но, мэм, в поле обломков торпеды – почти бесполезны. Наведение по тепловой сигнатуре – невозможно, слишком много помех. Инерциальное – точность плюс-минус двести метров на дистанции десять километров. Это промах.

– Я знаю.

– ПРО у фрегатов – стандартная. В чистом пространстве перехват – шестьдесят-семьдесят процентов. Но в обломках всё меняется: их ПРО тоже ослеплена, лазеры будут срабатывать на ложные цели, каждый обломок...

– Камински.

– Мэм.

– Торпеды – в резерв. Мы их не тратим.

Тишина на мостике – секунда. Рашид перестал стучать по панели. Камински повернулся к ней полностью – глаза узкие, читающие.

– Мэм, если без торпед – против двух фрегатов у нас рейлганы и ПРО. У них – два рейлгана на каждом и по четыре торпеды. Суммарно – четыре рейлгана и восемь торпед против двух рейлганов и нуля торпед.

– Я умею считать, – ответила Рин. Тихо. – Но у нас есть то, чего у них нет.

– Мэм?

Рин показала на экран. На хаос обломков, на мерцающее белое пятно, на мёртвый металл Вараны.

– Снаряды, – сказала она.

Идея была простой, как все идеи, которые работают. Рейлган «Тишины» разгонял килограммовый болванок до двенадцати километров в секунду. На расстоянии ста метров точность – идеальная. На расстоянии тысячи – хорошая. На расстоянии десяти тысяч – зависит от Рашида.

Но рейлган мог стрелять не только болванками.

Обломки Вараны весили от граммов до сотен тонн. Стометровая секция жилого модуля – бесполезна: слишком большая, слишком тяжёлая, рейлганом не сдвинешь. Но кусок обшивки весом пять-десять килограммов – другое дело. Подобрать манипулятором, зарядить в ускоритель, разогнать. На выходе – не аккуратный вольфрамовый стержень, а бесформенный ком металла с острыми краями, летящий со скоростью восемь-десять километров в секунду. Менее точный, чем штатный болванок. Но на близкой дистанции – смертоносный.

И бесплатный. Обломков – миллионы. Боекомплект – бесконечный.

– Рашид, – сказала Рин. – Мне нужно найти конвой. Предложения.

Рашид не ответил сразу. Пальцы на панели замерли, глаза уставились в пустоту – не в экран, а в то пространство за экраном, где данные превращались в понимание. Огендо думал вслух, Чень цитировала устав, – Рашид молчал. Ненадолго, но молчал.

– Двигатели, – сказал он через четыре секунды. – Конвой идёт к Варане – значит, тормозит. Танкеры – большие, инертные, маневровые двигатели слабые. Если они тормозят внутри поля – тепловая сигнатура торможения будет видна даже через помехи. Не точно – но направление. Как свет маяка в тумане.

– А фрегаты Ковчега?

– Если они уже внутри – те же условия. Двигатель работает – вижу. Двигатель молчит – не вижу.

– Если они дрейфуют?

Рашид покачал головой.

– Тогда – иголка в стоге сена. Но, мэм, фрегаты – не корветы. Экипаж шестьдесят человек, системы жизнеобеспечения на полной мощности. Они не могут всё выключить – замёрзнут за часы. Тепловой фон жизнеобеспечения – слабый, но постоянный. Если я буду знать, куда смотреть...

– Ты будешь знать. Найди конвой – найдёшь фрегаты.

Рашид кивнул и вернулся к панели. Пальцы – снова в движении, переключающие фильтры, настраивающие чувствительность, отсекающие шум слой за слоем, как скульптор отсекает камень.

«Тишина» вошла в поле обломков на скорости полтора километра в секунду – медленно по космическим меркам, стремительно по человеческим. Рин приказала убрать тягу до минимума – маневровые двигатели для коррекции, основной – молчит. Тепловая сигнатура «Тишины» падала, но не исчезала: системы жизнеобеспечения, сенсоры, конденсаторы рейлганов – всё работало, всё излучало. В чистом пространстве – видна за сутки. В обломках – может быть, за минуты. Может – за часы.

Может – вообще невидима. Среди тысяч обломков, каждый из которых давал свою тепловую сигнатуру, корабль мог затеряться, как голос в толпе.

Первый обломок прошёл мимо «Тишины» в двухстах метрах – секция внешней обшивки Вараны, три на четыре метра, тёмная, исцарапанная микрометеоритами, медленно вращающаяся. Рин видела её в боковом иллюминаторе мостика – блик далёкого Солнца скользнул по поверхности и пропал. Тень – абсолютно чёрная, без полутонов. В космосе не было рассеянного света: если на поверхность не падал луч – поверхность не существовала.

Через минуту – второй обломок. Ближе: восемьдесят метров. Кусок трубопровода длиной пятнадцать метров, скрученный, как выжатая тряпка. За ним – россыпь мелочи: болты, листы, обрезки кабеля, замёрзшие капли расплавленного металла – всё это висело в пустоте, медленно дрейфуя, и каждый объект был потенциальным снарядом. Не для рейлгана – для корпуса. Экраны Уиппла защищали от частиц до сантиметра. Всё, что крупнее, – пробивало.

– Рашид, столкновительная обстановка, – сказала Рин.

– Плотность обломков – низкая на внешней границе, растёт к центру. Текущий уровень – приемлемый. Прогноз: через двадцать минут – потребуются активное уклонение.

– Ли, будь готова.

– Есть, мэм.

Рин ждала. Ожидание – часть боя, та его часть, которую не показывают в учебниках: минуты, часы, когда ничего не происходит, но всё может произойти, и тело знает это раньше разума. Адреналин поднимался медленно – не всплеском, а приливом: пульс – семьдесят два, семьдесят пять, семьдесят восемь. Руки – на подлокотниках ложементов, пальцы расслаблены. Сознательно расслаблены. Если сжать сейчас – через час не разожмёшь.

Семнадцать минут.

– Контакт, – сказал Рашид.

Мостик – мгновенно – стал другим. Тот же гул, те же шесть человек, тот же синеватый свет экранов – но воздух уплотнился, как будто его стало меньше.

– Тепловая сигнатура, пеленг ноль-восемь-четыре, дистанция – не могу определить точно, обломки мешают – между восемнадцатью и двадцатью пятью километрами. Мощность – высокая. Это не обломок. Это... – Пальцы метнулись по панели. – Два источника. Нет, три. Четыре. Четыре источника, низкая мощность, компактная группа. И два – отдельных, мощнее, ближе.

– Конвой и эскорт, – сказала Рин.

– Похоже на то. Четыре – танкеры, торможение. Два – фрегаты. Рисунок излучения... – Рашид замер. Потом, быстрее: – Рисунок не совпадает с «Нарвалом». Это не наши фрегаты. Это – Ковчег. Они уже здесь.

Рин не двинулась. Пульс – восемьдесят один. Голос – тише на полтона.

– «Нарвал»?

– Не вижу. Или уничтожен, или ушёл, или прячется. Но фрегаты Ковчега – вот они. Два корабля, между конвоем и нами.

– Идентификация.

– Фрегаты класса «Хэбэй». Шестьдесят человек экипажа, два рейлгана калибра сто двадцать, четыре торпедных аппарата на каждом. ПРО – лазерная, стандартная. Масса – около семи тысяч тонн. Они... – Рашид прищурился. – Они маневрируют. Не стоят – перемещаются. Выходят на позицию. Мэм, они берут танкеры под контроль.

Рин считала. Два фрегата – суммарно четыре рейлгана, восемь торпед. «Тишина» – два рейлгана, шесть торпед в резерве, которые она не хотела тратить. Масса «Тишины» – четырнадцать тысяч тонн против семи у каждого фрегата. Преимущество в массе, в толщине бронирования, в мощности рейлганов. Но – один против двух. Два угла атаки, два набора целей, два корабля, которые могут координировать огонь.

И танкеры – между ними. Триста двадцать тонн Не-3, которые нельзя потерять.

– Ли, – сказала Рин. – Малая тяга, курс ноль-восемь-ноль. Заходим со стороны плотной зоны обломков. Камински – манипулятор готовь.

– Манипулятор? – переспросил Камински. Секундное замешательство – потом понимание. – Обломки. Мы загружаем обломки.

– Всё, что весит от пяти до пятнадцати килограммов. Магнитное – приоритет.

– Есть.

«Тишина» изменила курс – плавно, маневровые двигатели дали короткие импульсы, и эсминец начал смещаться к области, где плотность обломков была выше. Рискованно: каждый лишний обломок – потенциальное попадание в корпус. Но Рин считала иначе: каждый лишний обломок – потенциальный снаряд.

Манипулятор – механическая рука длиной восемь метров, обычно используемая для стыковки и внешних ремонтных работ – развернулся из-под корпуса. Камински управлял дистанционно, через камеру на конце манипулятора. Первый обломок – кусок стальной балки, семь килограммов, с острыми краями – захвачен, подтянут к загрузочному люку рейлгана.

– Не входит, – сказал Камински. – Калибр – сто пятьдесят миллиметров. Этот кусок – двести на триста.

– Сломай.

Камински сжал манипулятор. Балка хрустнула – двенадцать лет в вакууме и перепадах температур сделали металл хрупким. Два куска, каждый – по три с половиной килограмма, оба поместились в камеру ускорителя.

– Заряжен. Два снаряда нештатного калибра.

– Продолжай. Ещё десять.

Манипулятор работал, и «Тишина» медленно подкрадывалась через облако мёртвого металла. Обломки проплывали мимо – тёмные, угловатые силуэты на фоне звёзд, похожие на кости гигантского скелета. Рин не смотрела на них – она смотрела на тактический экран, где две красные точки фрегатов Ковчега продолжали маневрировать вокруг четырёх синих точек танкеров.

Расстояние сокращалось. Двадцать километров. Восемнадцать. Пятнадцать. На этой дистанции – ещё вне эффективного огня рейлганов: рассеивание слишком велико, обломки создают помехи. Но на десяти – уже опасно. На пяти – смертельно.

– Рашид, они нас видят?

– Не могу подтвердить. Их радары – активные, но в обломках отражения от каждой поверхности, им так же плохо, как мне. Если мы не включим основной двигатель – может быть, ещё нет.

– «Может быть» – не ответ.

– Семьдесят процентов – не видят. Тридцать – видят, но не опознали.

Рин кивнула. Семьдесят процентов. Одна из тех цифр, с которыми можно работать, но нельзя жить.

– Камински, сколько?

– Двенадцать нештатных снарядов загружено. Ещё шесть – в процессе.

– Хватит. Закрывай манипулятор. Ли – курс на перехват. Заходим снизу, под плоскость их маневрирования. Рашид – мне нужна позиция каждого танкера.

Данные потекли на экран. Четыре танкера – крупные, неуклюжие цилиндры, каждый двести метров в длину, набитые сжиженным Не-3. Они шли компактной группой, тормозя маневровыми двигателями – слабыми, мерцающими точками на инфракрасном дисплее. Вокруг – два фрегата, как волки вокруг стада. Фрегаты заняли позиции: один – впереди группы, один – сбоку, оба – на дистанции два-три километра от танкеров.

– «Нарвал», – сказал Рашид. – Нашёл. Пеленг ноль-девять-два, дистанция тридцать километров от конвоя. Тепловая сигнатура – минимальная. Двигатели молчат. Дрейфует. Или мёртв, или прячется.

– Повреждения?

– Не могу определить на этой дистанции.

«Нарвал» – фрегат Мандата, эскорт конвоя. Если он дрейфует с выключенными двигателями – значит, бой уже был. Фрегаты Ковчега подошли первыми, вступили в бой, отогнали или повредили «Нарвала». Конвой – под их контролем.

Рин должна была забрать его обратно.

– Дистанция до ближнего фрегата – двенадцать километров, – доложил Рашид. – Время до эффективной дистанции рейлганов – при текущей скорости сближения – девять минут.

– Боевая тревога, – сказала Рин. Негромко. На «Тишине» не было сирен – была голосовая трансляция по внутренней связи, и голос Рин прошёл через каждый отсек, каждую ячейку, каждый технический закуток корабля. – Всему экипажу – боевые посты. Герметизация скафандров. Повторяю: герметизация скафандров.

Мостик ожил шумом – щелчки замков скафандров, шипение подачи кислорода, хруст перчаток. Рин надевала свой скафандр каждый день – привычка с Цереры, где декомпрессия мостика убила двух офицеров, которые не успели закрыть шлемы. Шлем опустился на голову, зафиксировался, и мир сузился до визора: тактический экран – прямо перед глазами, дыхание – громкое, влажное, заполняющее шлем.

– Камински, готовность.

– Рейлган-один – заряжен штатным. Рейлган-два – заряжен нештатным, масса три и пять десятых килограмма. Конденсаторы – полные.

– Рашид, ближний фрегат.

– Десять километров. Маневрирует – коррекция орбиты вокруг танкеров. Пеленг – ноль-восемь-шесть. Он... повернулся кормой к нам. Мэм, он нас не видит.

Десять километров. Кормой к ним. На этой дистанции, с учётом обломков и помех – промах штатным болванком составит от одного до трёх метров. Нештатным – от пяти до десяти. Фрегат класса «Хэбэй» – шестьдесят метров в длину, пятнадцать в поперечнике.

Достаточно.

– Камински, – сказала Рин. – Рейлган-один. Цель – ближний фрегат. Корма. Двигательный отсек.

– Есть. Наведение... есть. Готов.

– Огонь.

Грохот. Не звук – удар, проходящий через корпус, через ложемент, через кости. Конденсаторы разрядились за десятитысячную долю секунды, и «Тишина» дёрнулась – отдача, три тонны на долю мгновения, компенсированная маневровыми двигателями. Болванок ушёл.

– Время до контакта – ноль целых восемь десятых секунды, – сказал Рашид. Потом, через секунду, другим тоном: – Попадание. Попадание подтверждено. Тепловая вспышка в кормовой секции. Он... разгерметизация. Вижу выброс атмосферы. Двигатель – повреждён, тяга – ноль.

– Рейлган-два, – сказала Рин. – Тот же корабль. Середина корпуса.

– Мэм, он уже повреждён, без двигателя...

– Рейлган-два. Огонь.

Второй удар. Нештатный снаряд – бесформенный кусок стали – ушёл в темноту. Менее точный, более разрушительный: неправильная форма означала непредсказуемое поведение при контакте, рваные края рвали обшивку шире, чем аккуратный вольфрамовый стержень.

– Попадание, – Рашид. Голос – быстрее, выше. – Середина корпуса, разрушение... множественная декомпрессия, вижу выброс атмосферы из трёх точек. Он разваливается, мэм. Корабль разваливается.

На экране – ближний фрегат перестал быть кораблём. Рин видела это не напрямую – через интерпретацию данных Рашида, через тепловую карту, через лаконичные иконки на тактическом дисплее. Но она знала, как это выглядит вблизи. Видела на Церере. Корабль, получивший два попадания рейлгана, не взрывается – он раскрывается. Обшивка рвётся по сварным швам, внутренние переборки складываются под разницей давления, атмосфера вырывается наружу – белые конусы замёрзшего воздуха, – и корпус медленно, страшно медленно расходится на части, как цветок, раскрывающийся в ускоренной съёмке. Только лепестки – из металла, и внутри – люди.

Шестьдесят человек. Сколько выживут – зависит от того, кто успел закрыть шлем.

– Второй фрегат! – крикнул Рашид. – Разгон, полная тяга, курс... курс на нас, мэм, он идёт на нас!

Рин не дрогнула. Второй фрегат – дальний, семнадцать километров – врубил двигатели на полную. Экран показывал яркую точку разгона: белую, слепящую на инфракрасном, как маленькое солнце. Фрегат шёл на перехват.

– Ли, уклонение. Вектор – в обломки. Плотную зону.

– Мэм, в плотной зоне – риск столкновения...

– Ли. Курс.

«Тишина» рванулась – маневровые двигатели выбросили факелы, и эсминец нырнул в облако обломков. Рин вжалась в ложемент: ускорение – полтора g вбок, потом – смена направления, – полтора в другую сторону. Внутренности болезненно сместились. Край визора запотел от дыхания.

Обломки. Вокруг – обломки. Камера внешнего обзора показывала хаос: тёмные объекты, проплывающие мимо в метрах – не в сотнях метров, а в метрах. Секция трубопровода прошла в двадцати метрах над мостиком, и Рин увидела на ней буквы – «ВАРАНА – СЕКТОР 7-Г» – белые, потрескавшиеся, мёртвые.

– Удар! – закричал кто-то – не на мостике, по внутренней связи. Голос из инженерного отсека. Бектурова. – Обломок, секция восемь, внешний экран Уиппла! Пробитие первого слоя, второй – держит!

Корпус «Тишины» загудел. Мелкие обломки били по обшивке, как град – частый, неритмичный стук, от которого зубы сводило. Экраны Уиппла – двухслойная защита из тонких металлических листов, разнесённых на полметра – принимали удары, и каждый удар – маленький взрыв: частица врезалась в первый лист, разрушалась, рассеивалась, и облако осколков поглощалось вторым листом. Система работала. Пока частицы были мелкими.

– Рашид, второй фрегат.

– Пятнадцать километров, сближение. Он не входит в обломки – обходит. Курс... ноль-семь-ноль, пытается зайти с фланга. – Пауза, секунда. – Мэм, он передаёт. Широковещательный. Открытый канал. Текст: «Неопознанный корабль, вы атаковали корабль ВМС Ковчега. Немедленно прекратите маневрирование и сложите оружие. В случае невыполнения – открываем огонь на поражение.»

– Он знает, кто мы?

– Вряд ли. Мы не транслируем идентификатор. Для него мы – обломок, который стреляет.

– Пусть думает, что обломок. Не отвечай.

Рин считала. Фрегат обходил поле обломков – это давало ей время, но лишало укрытия. Через двадцать минут он выйдет на позицию, с которой увидит «Тишину» без помех. На открытом пространстве – прямая дуэль: два рейлгана на два. Но у фрегата – четыре торпеды, а «Тишина» свои держала в резерве. Невыгодный размен.

Значит – не выходить на открытое пространство.

– Ли, новый курс. Разворот на сто восемьдесят. Мы идём обратно через поле – к танкерам.

– Через поле, мэм? Плотность...

– Через поле. Танкеры – на другой стороне. Фрегат обходит. Мы – напрямик.

Ли ввела курс. «Тишина» развернулась – опять перегрузка, короткая, злая, – и нырнула обратно в обломки. Град по корпусу усилился: они шли через плотную зону, и каждый метр приносил новые удары. Экраны Уиппла держали, но каждый удар – стресс на корпусе, каждый стресс – микроповреждение, каждое микроповреждение – шаг к тому моменту, когда экран не выдержит.

– Камински, перезарядка.

– Рейлган-один – штатный. Рейлган-два – нештатный, четыре и два десятых кило.

– Дистанция до танкеров.

– Восемь километров, – Рашид. – Идём прямо к ним. Второй фрегат – отстаёт, он за пределами поля, обходит. Танкеры... мэм, танкеры не маневрируют. Они не двигаются.

– «Нарвал»?

– По-прежнему дрейфует. Тридцать километров. Нет... подождите. – Рашид подался вперёд, лицо – вплотную к экрану. – Двигатели «Нарвала». Слабая сигнатура. Он... он включил маневровые. Разворачивается. Мэм, «Нарвал» – жив. Он шёл баллистическим, чтобы не обнаружили, и теперь – разворачивается.

– На нас?

– На фрегат.

Рин позволила себе три секунды – не облегчения, но пересчёта. «Нарвал» – повреждённый, но живой фрегат Мандата. Если он свяжет боем второй фрегат Ковчега – Рин останется один на один с танкерами. Без противника.

– Рашид, подтверждение: «Нарвал» атакует второй фрегат?

– Подтверждаю. Разгон, курс перехвата. Тепловая сигнатура – неполная, один двигатель из двух. Повреждён, но маневрирует. Второй фрегат Ковчега – разворачивается навстречу. Они... уходят от нас. Уходят от конвоя.

– Ли, полная тяга. К танкерам.

«Тишина» рванулась вперёд. Обломки хлестали по корпусу – частота ударов выросла, и теперь это был не град, а непрерывный треск, как будто корабль летел сквозь ледяную крошку. Рин вцепилась в подлокотники. Вибрация ложементов – жёсткая, тряская, проходящая через спину, через шею, через череп.

Удар. Тяжёлый, глухой, от которого «Тишину» качнуло.

– Столкновение! – Бектурова из инженерного. – Обломок, масса – примерно двадцать килограммов, секция три, экран Уиппла – пробит оба слоя! Внешняя обшивка – целостность... целостность сохранена. Вмятина. Глубина – четыре сантиметра.

Четыре сантиметра. Обшивка «Тишины» – восемь сантиметров вольфрамо-углеродного композита. Половина. Если следующий обломок попадёт в ту же точку...

– Ли, скорость.

– Один и восемь десятых км/с, мэм. До танкеров – три минуты.

Три минуты. Рин считала каждую секунду – привычка, рефлекс, якорь. На периферии тактического экрана – «Нарвал» и второй фрегат сходились, и расстояние между ними сокращалось: двадцать, восемнадцать, пятнадцать километров. Скоро – бой. Не её бой. Её – здесь.

– Танкеры – визуальный, – сказал Рашид. Тихо, почти благоговейно – как человек, который в тумане увидел берег. – Четыре единицы, строй «ромб», дистанция – два километра. Без эскорта. Повторяю: без эскорта.

– Камински. Стой.

Камински убрал палец с гашетки.

– Мы не стреляем по танкерам, – сказала Рин. – Мы их забираем.

Захват конвоя занял сорок минут – сорок минут, которые были одновременно простыми и невозможными. Простыми – потому что танкеры были гражданскими, без оружия, без эскорта, и их экипажи – по четыре человека на каждый – подчинились, как только «Тишина» вышла из обломков на расстояние визуального контакта и передала: «Конвой, говорит эсминец Мандата „Тишина“. Вы под защитой. Подтвердите подчинение.» Подтвердили все четыре за минуту. Невозможными – потому что каждая секунда, потраченная на стыковку, переговоры и формирование строя, была секундой, в которую второй фрегат Ковчега мог вернуться.

Он не вернулся. «Нарвал» держал его – повреждённый, на одном двигателе, с экипажем, который вёл бой уже вторые сутки. Рин слышала обрывки тактической связи: доклады, команды, шум. «Нарвал» маневрировал на грани – используя обломки внешней границы поля как укрытие, огрызаясь рейлганом, уклоняясь от торпед. Фрегат Ковчега был сильнее, но «Нарвал» знал поле лучше и был злее.

– Конвой сформирован, – доложила Ли. – Четыре танкера, строй «линия», дистанция пятьсот метров. Готовы к движению.

– Дельта-V? – спросила Рин.

– Пятьдесят четыре процента.

Пятьдесят четыре. Было шестьдесят. Шесть процентов – на маневрирование в обломках, стрельбу, уклонение. Шесть процентов – дорого. Слишком дорого. Но конвой – здесь. Триста двадцать тонн Не-3. Разница между «полетит» и «никогда».

– Потери, – сказала Рин.

Бектурова – по внутренней связи:

– Три. Матрос Энгель – декомпрессия секции восемь при пробитии экрана. Матрос Гринберг и старшина Такакура – осколочные, в коридоре пятого яруса. Обломок пробил наружную стену, осколки внутренней обшивки... – Пауза. – Гринберг – мгновенно. Такакура – в медотсеке. Шансов нет. Энгель – без скафандра, декомпрессия, пятнадцать секунд.

Три. Энгель, Гринберг, Такакура. Рин повторила имена про себя. Энгель – двадцать три года, артиллерийский расчёт. Гринберг – двадцать девять, техник жизнеобеспечения. Такакура – тридцать семь, старшина палубной команды. Она служила на «Тихине» пять лет. У неё были дети. Двое. На Церере.

Рин повторила имена ещё раз. Потом – закрыла этот файл в голове. Не забыла – убрала. Позже. Сейчас – конвой.

– Ли, курс на Седну. Оптимальный профиль. Рашид – связь с «Нарвалом», запроси статус.

– «Нарвал» отвечает, – Рашид через минуту. – Второй фрегат Ковчега – отходит. Повреждён, потерял два торпедных аппарата. «Нарвал» – тяжёлые повреждения, один двигатель, потери экипажа – одиннадцать человек. Командир «Нарвала» запрашивает... – Рашид замялся. – Запрашивает разрешение отступить к Седне.

– Разрешаю. Пусть идёт впереди нас. Рашид, ещё.

– Мэм?

– Первый фрегат. Тот, который мы уничтожили. Обломки – на экране?

Рашид переключил дисплей. Облако обломков – бывший фрегат – расширялось медленно, неохотно, как дым в безветренный день. Среди обломков – точки аварийных маяков. Шлюпки. Не все: Рин насчитала три из шести штатных. Три шлюпки – значит, часть экипажа спаслась. Часть.

– Маяки фиксируем, – сказала она. – Координаты – в Ковчег, открытым каналом. Пусть забирают своих.

Камински посмотрел на неё. Секундный взгляд – не удивление, не вопрос. Что-то другое. Может – уважение. Может – непонимание. Она не стала разбираться.

– Рашид, ещё одно. Обломки фрегата – что-нибудь интересное?

– Определите «интересное», мэм.

– Электронное. Данные. Шифрованные передачи. Всё, что можно перехватить с их систем, пока обломки ещё излучают.

Рашид кивнул – быстро, деловито. Его пальцы вернулись к панели, и экран заполнился спектрами, волнами, полосами – радиошум умирающего корабля. Разбитые системы продолжали излучать: обрывки данных, фрагменты сообщений, статические разряды. Рашид погрузился в этот шум, как ныряльщик – в мутную воду, и начал искать.

«Тишина» с конвоем набирала ход. Обломки Вараны оставались за кормой – тёмное облако мёртвого металла, из которого они вырвались. Впереди – чистое пространство, Седна, и восемнадцать дней, из которых три уже прошли.

Пятнадцать осталось.

Рин расстегнула ремни ложементов, откинулась. Шлем – снять. Воздух мостика ударил в лицо: пот, озон, тот неуловимый привкус страха, который имеет запах, хотя биохимики говорят, что не имеет. Она закрыла глаза на секунду – одну секунду, ровно одну – и увидела фрегат, раскрывающийся, как цветок.

Открыла.

– Форрестер, – сказала она. – Доклад о потерях – в штаб, шифрованным каналом. Три человека.

– Есть, мэм.

Три человека. Три имени, которые Рин произнесёт вечером, одна в каюте, перед картой Проксимы. Произнесёт – и добавит к семи другим, которые помнила с Цереры. Десять имён. Десять решений, каждое из которых она приняла правильно. Десять решений, каждое из которых убило кого-то.

Рашид нашёл это через два часа.

Рин была в каюте – не спала, сидела на койке и перечитывала тактический анализ боя, когда на терминал пришло сообщение от Рашида: «Мэм, нужно посмотреть. Мостик.»

Она пришла через минуту. Рашид сидел за сенсорной панелью, лицо – бледное, освещённое экраном, на котором были строки данных, которых Рин не могла прочесть: шифрованный текст, частично декодированный, с пробелами и артефактами.

– Что это?

– Фрагмент шифрованной передачи с уничтоженного фрегата. Их буферный модуль связи – уцелел, дрейфует в обломках, продолжает излучать на аварийной частоте. Я перехватил буфер и прогнал через дешифровщик. Шифр – стандартный военный Ковчега, ключ – прошлогодний, у нас есть... – Он осёкся. – Неважно, как у нас есть.

– Рашид. Содержание.

– Сообщение от командования «Метели» – капитану фрегата, датировано двое суток назад. Частичная расшифровка, куски текста отсутствуют. Но вот это... – Он ткнул пальцем в экран.

Рин прочитала:

«...источник «Лотос» подтверждает: криогенные системы «Семени» – надёжность ниже [нечитаемо] процентов. Модули 3 и 4 – критическая уязвимость, деградация теплообменных [нечитаемо]. При расчётном перелёте – потери до [нечитаемо] субъектов. Информация «Лотоса» верифицирована. Использовать при планировании [нечитаемо]...»

– «Источник „Лотос“», – сказала Рин.

– Агентурный псевдоним. Кто-то передаёт информацию из «Семени» в Ковчег. Кто-то, кто знает о криосистемах. Кто-то изнутри.

Рин смотрела на экран. «Криогенные системы – надёжность ниже [нечитаемо] процентов.» Она не знала точной цифры – это была зона Огендо, не её. Но она знала, что если Ковчег знает о слабости криосистем – он знает, что «Семя» уязвимо не только снаружи.

Источник «Лотос». Человек внутри «Семени», который передаёт информацию врагу.

Крот.

Рин отошла от экрана. Мостик – тихий, ночная вахта, двое на постах. Рашид – напряжённый, ждущий. Он сделал свою работу. Теперь – её.

– Форрестер, – сказала Рин. – Шифрованный канал на «Семя». Личный код Огендо.

– Задержка – четыре часа, мэм.

– Знаю.

Четыре часа. Сообщение дойдёт до Огендо через четыре часа. За четыре часа крот может сделать что угодно. Но Рин не могла ускорить свет.

Она продиктовала сообщение – короткое, точное, без лишних слов. Как всегда. Как команда на огонь.

Потом – вернулась в каюту. Три имени ждали на стене, невидимые, но реальные. Рин произнесла их шёпотом – Энгель, Гринберг, Такакура – и выключила свет.

На экране терминала – карта Проксимы Центавра. Красная точка в темноте. Место, куда десять тысяч человек полетят, если она сделает свою работу. Если Огендо сделает свою. Если крот не сделает свою.

Дельта-V – пятьдесят четыре процента. Пятнадцать дней. Триста двадцать тонн He-3 за кормой. И где-то на «Семени» – человек, который хочет, чтобы всё это было зря.

Глава 5: Крот

Ковчег «Семя», орбита Седны День 4. 14 дней до Битвы при Седне

Сообщение от Рин пришло в шесть утра бортового времени, и Огендо прочитал его восемь раз, потому что каждый раз находил новый повод для паники.

«Огендо. Перехвачено с уничтоженного фрегата Ковчег. Агентурный источник «Лотос» – внутри «Семени». Передаёт данные о криосистемах. Ковчег знает о 94%. Крот. Ици. Кацураги.»

Короткое, как все сообщения Рин. Каждое слово – на вес снаряда. Огендо сидел в инженерном отсеке, кружка кофе – в руке, экран – перед глазами, и слово «крот» горело на сетчатке, как послеобраз от вспышки.

Крот. На «Семени». Кто-то из двухсот сорока семи человек его экипажа передавал информацию Ковчегу. Не общую информацию – конкретную: процент надёжности криосистем, данные о деградации теплообменных пластин. Технические подробности, доступные ограниченному кругу людей.

Огендо поставил кружку. Кофе плеснулся через край – три десятых g, жидкости вели себя медленнее, но всё равно норовили сбежать – и растёкся по столу, обтекая планшеты и распечатки. Огендо не обратил внимания. Он смотрел на экран, и мозг делал то, что делал всегда, когда Огендо сталкивался с проблемой: раскладывал её на составные части.

Составная часть первая: сообщение отправлено четыре часа назад. Задержка связи – Рин где-то у Вараны, далеко. За четыре часа крот мог передать ещё одно сообщение, заложить ещё одну закладку, саботировать ещё одну систему. Информация устарела в момент получения – как всё в этом проклятом углу Солнечной системы, где свет тащился со скоростью улитки, и каждое решение принималось вслепую.

Составная часть вторая: «Лотос» знает процент. Девяносто четыре. Это число знали – он пересчитал – девять человек. Сам Огендо. Нкози. Трое старших инженеров криосистем. Два навигатора, которые рассчитывали параметры перелёта с учётом надёжности крио. И командование Мандата – Вестергаард и его штаб, которым Огендо передал данные месяц назад.

Девять человек. Минус Вестергаард и штаб – они снаружи, на кораблях, не на «Семени». Минус Огендо – он знал, что не крот, хотя при нынешнем уровне паранойи не был уверен даже в этом. Минус Нкози – она десять лет строила протоколы криоконсервации для этого корабля, и предать его было бы как предать собственные лёгкие. Оставалось пять. Три криоинженера, два навигатора.

Составная часть третья: аномалия в логах доступа. Ночные визиты в криоблок №4. Анонимный отпечаток. Огендо обнаружил это двенадцать часов назад – до сообщения Рин – и отложил, потому что утро принесло новости о флоте Ковчег, и всё остальное отступило. Теперь – не отступало.

– Ладно, – сказал Огендо пустому отсеку. – Ладно. Я – инженер, а не шпион. Но это – инженерная задача. У системы есть вход, есть выход, и между ними – неисправность. Найти неисправность. Устранить.

Он выпрямился, вытер руки о комбинезон и открыл систему мониторинга доступа.

Логи были подробными – Огендо сам это проектировал, и сам бы себя похвалил, если бы ситуация не была настолько дерьмовой. Каждая дверь на «Семени» – и их было тысяча четыреста двенадцать – фиксировала: кто, когда, в каком направлении. Биометрия – отпечаток

пальца и капиллярный рисунок сетчатки. Резервная система – личный идентификационный чип в браслете. Две системы, работающие параллельно.

Аномалия, которую он нашёл вчера ночью, – стёртое имя при сохранённом отпечатке. Теперь, зная, что искать, Огендо полез глубже.

Первый проход: все записи доступа к криозоне за последние тридцать дней. Четырнадцать тысяч записей. Огендо отфильтровал штатные: дневные обходы бригад, плановые проверки Нкози, его собственные ночные визиты. Осталось – двести тридцать записей. Внештатные, но объяснимые: срочные вызовы, ремонтные работы, доставка оборудования. Огендо прошёл каждую, сверяя с рабочим журналом. Двести четырнадцать – подтверждены. Шестнадцать – нет.

Шестнадцать неподтверждённых визитов в криозону за тридцать дней. Шестнадцать раз кто-то заходил без зафиксированной причины.

Второй проход: из шестнадцати – сколько с анонимным отпечатком. Ответ: пять. Пять визитов с отпечатком, не привязанным к имени. Остальные одиннадцать – имена на месте, но причина посещения не указана. Разгильдяйство? Или осторожность: одиннадцать раз – под своим именем, когда делаешь что-то безобидное, пять – анонимно, когда делаешь то, что не должен.

Третий проход: пять анонимных отпечатков – один и тот же? Огендо сравнил хэши. Нет. Три разных. Три разных отпечатка. Три разных человека.

Три.

Огендо откинулся на стуле. Три человека. Не один крот – трое. Или один крот и двое помощников. Или трое кротов, работающих независимо. Или – самый мерзкий вариант – ячейка.

Он потёр виски. Кофейное пятно на столе расплзлось медленно, в три десятых g всё расплзлось медленно, и Огендо смотрел на него, как на пятно Роршаха, пытаясь увидеть в нём смысл. Трое. Три человека на его корабле, которые ходят в криозону ночью и стирают свои имена из логов.

– Ладно, – сказал он. – Ладно. Три отпечатка. Имена стёрты, но отпечатки – сохранены. Потому что систему доступа нельзя пройти без отпечатка – я так спроектировал. Стереть имя из привязки – можно, если знаешь структуру базы данных. Стереть отпечаток – нельзя, потому что тогда дверь не откроется.

Он подался к терминалу.

– Значит, у меня есть три отпечатка без имён. И у меня есть база данных всех двухсот сорока семи членов экипажа. Мне нужно сравнить.

Программа заняла четырнадцать минут – биометрическая база «Семени» была массивной, каждый отпечаток хранился как тысяча шестьсот точек совпадения, и сравнение требовало вычислительных ресурсов, которые Огендо выдрал из навигационного ИИ, чем, вероятно, вызвал недоумение у вахтенного навигатора, но это было сейчас на последнем месте в списке его проблем.

Результат. Три совпадения.

Первый отпечаток: Ким Суён, техник жизнеобеспечения. Двадцать семь лет. Пришла на «Семя» восемь месяцев назад с верфей Весты. Обслуживала вентиляционные системы криозоны.

Второй отпечаток: Марко Дельгадо, электрик. Тридцать один год. На «Семени» – два года. Прокладывал силовые кабели в четвёртом криоблоке. Имел доступ к техническим нишам за стенами.

Третий отпечаток.

Огендо смотрел на экран, и мир – тот инженерный, рациональный, расчисленный мир, в котором он жил двадцать лет, – сместился на полградуса, как парус, поймавший боковой поток, и всё, что казалось устойчивым, поплыло.

Третий отпечаток: Юн Дэхён, инженер-криогеник. Двадцать девять лет. На «Семени» – четыре года. Один из лучших специалистов по криоконтурам. Имел доступ к каждому блоку, каждому контуру, каждой камере.

Бывший студент Тома Огендо.

Дэхён пришёл к нему девять лет назад – на кафедру системной инженерии Ганимедского политехнического, куда Огендо приезжал читать гостевые лекции, когда строительство «Семени» позволяло. Двадцатилетний, худой, с тёмными глазами, в которых горело что-то, что Огендо научился узнавать с годами: одержимость. Не фанатизм – одержимость. Разница тонкая, но существенная. Фанатик верит в идею. Одержимый верит в задачу.

Дэхён верил в криоконсервацию. Он пришёл к Огендо после лекции – Огендо помнил: зал опустел, он собирал планшеты, а этот тощий мальчишка стоял у кафедры и ждал, и лицо у него было такое, будто он три дня не спал и не собирался начинать. «Профессор Огендо, – сказал он. – Я прочитал ваши расчёты по термическому профилю криокамеры четвёртого поколения. У вас ошибка в уравнении тепловой диффузии на стр. 47. Граничные условия не учитывают эффект Лейденфроста при фазовом переходе хладагента.»

Огендо посмотрел на него, потом – на свои расчёты, потом – снова на него. Потом засмеялся. «Знаешь что, – сказал он, – ты прав. Мне двадцать человек проверяли этот расчёт, и ни один не заметил. Как тебя зовут?»

«Юн Дэхён.»

«Юн Дэхён, ты хочешь работать на корабле, который полетит к звёздам?»

Глаза мальчишки загорелись – не метафорически, а почти буквально: зрачки расширились, ноздри дрогнули, дыхание участилось. Физиология одержимости.

«Да, – сказал он. – Да, я хочу.»

Огендо привёл его на «Семя» пять лет спустя – после магистратуры, после стажировки на криолабораториях Цереры, после двух опубликованных статей, каждая из которых была лучше, чем то, что Огендо сам писал в его возрасте. Дэхён был блестящим. Огендо не разбрасывался этим словом – он знал слишком много посредственных инженеров, называвших себя «блестящими», и слишком мало настоящих, чтобы обесценивать слово. Дэхён – был. Он видел криоконтур как живую систему – не набор труб и клапанов, а организм, который дышит, пульсирует, реагирует. Он понимал, как теплообменные пластины стареют, как хладагент взаимодействует с металлом, как микроскопические дефекты кристаллической решётки превращаются в макроскопические трещины через десятилетия.

Дэхён первый увидел проблему с пластинами четвёртого блока. За шесть месяцев до того, как Огендо сам её обнаружил. Он пришёл к Огендо с расчётами – аккуратными, подробными, безупречными – и сказал: «Профессор, примеси в партии с Весты дадут коррозию. Через двадцать-тридцать лет – отказы. При полной загрузке – потери до шести процентов.»

Огендо проверил. Расчёты были верны. Потери – шестьсот четырнадцать.

– Шесть процентов, – сказал тогда Дэхён. Тихо, как человек, который сообщает диагноз. – Шестьсот человек, профессор. Мы не можем запускать с этим.

– Мы заменим пластины, – ответил Огендо. – Заказ на Цереру уже оформлен. Четыре месяца.

Дэхён кивнул. Успокоился. Четыре месяца – срок. Срок – решение. Решение – значит, проблема решаема.

А потом – война. И четыре месяца превратились в восемнадцать дней. И восемнадцать дней – ни во что. И Дэхён перестал приходить на утренние совещания. И Огендо – не заметил. Потому что заметить означало остановиться и подумать, а останавливаться было нельзя, потому что за спиной – четырнадцать месяцев работы, спрессованной в восемнадцать дней, и некогда – думать.

Теперь – пришлось.

Огендо сидел перед экраном с именем Юн Дэхён и пытался совместить два образа. Дэхён-студент: двадцать лет, горящие глаза, ошибка на странице сорок семь. Дэхён-крот: двадцать девять лет, анонимные визиты в криозону, стёртые имена в логах.

Между этими двумя образами было число. 614. Оно стояло между ними, как трещина в переборке, и Огендо понимал: для Дэхёна это число было не компромиссом. Не «ценой, которую приходится платить». Для Дэхёна это было приговором. «Семя» обещало спасти десять тысяч – и убьёт шестьсот четырнадцать. Для Огендо это было арифметикой ужаса, с которой он учился жить. Для Дэхёна – доказательством обмана.

«Пепел.»

Слово возникло в голове само – не как мысль, а как диагноз. Огендо знал о движении «Пепел», как знали все: абстрактная угроза, философский нигилизм, доведённый до предела. Вселенная пуста. Разум – ошибка. «Семя» – ложная надежда. Уничтожить его – милосердие. Красивая логика для людей, которым реальность показалась невыносимой.

Огендо никогда не думал, что найдёт «Пепел» на своём корабле. В своём студенте.

Он встал. Колени хрустнули – привычно, как утренний ритуал, – и Огендо поймал себя на том, что хочет пошутить. Сказать что-нибудь: «Ну вот, Том, твой лучший ученик оказался террористом, а ты даже не заметил, – что дальше, кофемашина окажется шпионом?» Хотел – и не смог. Шутка застряла в горле, как ком, и Огендо понял, что если он начнёт шутить сейчас – шутка будет истерической, и он не остановится.

Он не шутил. Это было страшнее, чем взрыв.

Вопрос: что делать?

Огендо был инженером, не контрразведчиком. Он умел строить корабли, а не ловить шпионов. Но – и эта мысль пришла следом, уверенная и злая – он построил этот корабль. Он знал каждую систему, каждый коридор, каждый датчик. Если Дэхён что-то сделал с «Семенем» – Огендо мог это найти. Не потому что он был детективом. Потому что он был автором.

Первый инстинкт – рассказать. Позвать безопасность, доложить Вестергаарду, объявить тревогу. Арестовать троих, допросить, обезвредить. Стандартный протокол.

Огендо отверг его за тридцать секунд.

Проблема первая: на «Семени» не было службы безопасности в военном смысле. Двести сорок семь человек – инженеры, техники, медики, навигаторы. Гражданские. Огендо мог попросить помощи у Вестергаарда, но ближайший корабль Мандата – «Аврора» – в четырёх часах лёту. И Вестергаард отправит солдат. Солдаты на «Семени» – паника. Паника среди строителей – остановка работ. Остановка работ – потеря дней, которых нет.

Проблема вторая: если Дэхён узнает, что его раскрыли, – он может активировать что угодно. Огендо не знал, что именно Дэхён делал в криозоне, но пять ночных визитов за месяц – это не просмотр индикаторов. Это – подготовка. К чему – Огендо боялся думать.

Проблема третья: двое других. Ким Суён и Марко Дельгадо. Если Огендо возьмёт одного – двое узнают и действуют. Нужно всех троих. Одновременно.

Значит – тихо. Без паники. Без солдат. Без шума.

– Я – инженер, – сказал Огендо стене инженерного отсека. – Я не умею арестовывать людей. Но я умею находить неисправности в собственном корабле. Шаг первый – диагностика. Шаг второй – изоляция. Шаг третий – ремонт.

Он взял планшет и направился к криозоне.

Четвёртый криоблок встретил его привычным холодом – двенадцать градусов в проходах, и от этих двенадцати воздух казался твёрдым, стеклянным, ломким. Огендо надел перчатки – тонкие, инженерные, с тактильными подушечками на пальцах, которые позволяли чувствовать поверхность через слой ткани. Не от холода – привычка: в криозоне голыми руками не работают, отпечатки на камерах вызывают ложные срабатывания датчиков.

Ряды криокамер стояли в полумраке – вертикальные, матовые, с индикаторными панелями на каждой. Зелёный, зелёный, зелёный. 4-0088 – жёлтый. Старый знакомый. Огендо прошёл мимо, скользнув взглядом: жёлтый индикатор горел ровно, без мерцания. Человек за стеклом спал. Не тревожно, не беспокойно – просто спал. Метаболизм на одной сотой процента. Сердце – два удара в минуту. Температура тела – минус сто семьдесят один. Мёртвый, если не знать, что живой.

Огендо остановился в центре блока. Двести камер вокруг – двести зелёных огней в синеватой полутьме. Тишина – ватная, абсолютная, нарушаемая только далёким шелестом вентиляции. И где-то здесь – то, что Дэхён оставил.

– Думай, Том, – пробормотал он. – Ты – Дэхён. Ты – блестящий криоинженер. Ты знаешь «Семя» изнутри. Ты знаешь, что криосистемы – уязвимы. Ты хочешь... что? Уничтожить «Семя»? Нет. «Пепел» хочет уничтожить «Семя», но Дэхён – не «Пепел». Дэхён – инженер. Он не уничтожает – он выводит из строя. Точечно. Эффективно.

Огендо медленно обошёл блок по периметру. Глаза – на стенах, на полу, на потолке. Руки – на поверхностях, ощупывая каждую панель, каждую крышку технического люка, каждый кабельный канал. Он знал, как выглядит каждый квадратный сантиметр этого помещения, потому что проектировал его. Любое отклонение – его пальцы заметят раньше глаз.

Периметр – чисто. Стены – стандартные сэндвич-панели, термоизоляция, за ними – магистрали хладагента. Ничего лишнего. Пол – решётки, под ними – кабельные каналы. Огендо опустился на колени и заглянул в ближайший – тёмно, тесно, жгуты проводов уходили в перспективу, как нервы в ткани тела. Ничего.

Он перешёл к камерам. Каждая криокамера – вертикальный цилиндр два метра высотой, метр в диаметре. Стеклопанель передняя панель – для визуального контроля. Задняя стенка – сплошная, с техническим люком размером двадцать на двадцать сантиметров, через который инженер получал доступ к криоконтуре камеры: теплообменник, клапан хладагента, датчики. Люк закрывался на два винта и пломбу.

Огендо начал проверять люки. Первый ряд – двадцать камер. Пломбы – целые, винты – на месте, следов вскрытия – нет. Второй ряд. Третий. Четвёртый. Огендо работал методично, как работал всегда: слева направо, снизу вверх, каждую камеру – руки, глаза, фонарь на лбу. Холод полз по коленям, по локтям, по пальцам – двенадцать градусов, и с каждой минутой на полу тело отдавало тепло решётке, и решётка – не возвращала.

Пятый ряд. Камера 4-0112.

Огендо остановился.

Пломба – целая. Визуально – без нарушений. Но пальцы – пальцы, которые двадцать лет ощупывали каждый сварной шов на этом корабле – сказали другое. Левый винт – чуть мягче. Едва ощутимо: резьба подавалась с меньшим сопротивлением, чем должна. Не сорвана – но открывалась и закрывалась. Недавно. Может быть, несколько раз.

Огендо достал отвёртку. Пальцы – не дрожали. Пока. Он работал руками двадцать лет, и руки знали, что делать, даже когда голова – не знала.

Два оборота. Винт вышел. Ещё два – второй. Пломба – фальшивая: выглядела как штатная, но при ближайшем рассмотрении – другой полимер, чуть более матовый, без микрогравировки серийного номера. Подделка. Хорошая подделка.

Огендо снял крышку люка.

За крышкой – стандартная начинка: теплообменник, клапан, датчики, жгут проводов. И – нестандартная.

Маленький цилиндр. Три сантиметра в длину, один в диаметре. Тёмно-серый, почти невидимый на фоне теплообменника. Провод – тонкий, чёрный – шёл от цилиндра к датчику температуры камеры. Огендо знал, что это такое. Не потому что он был экспертом по взрывчатке – потому что он был инженером, и он знал, что в этом месте может быть только одна вещь, которой тут быть не должно.

Направленный заряд. Миниатюрный. Кумулятивный. Огендо видел такие в спецификациях горнодобывающего оборудования – их использовали для точечного разрушения породы. Маленький, но при подрыве – струя раскалённого металла пробивает сталь на глубину десяти-пятнадцати сантиметров. Направленный внутрь камеры – пробьёт оболочку, контур хладагента, и стеклянную панель.

Человек внутри камеры 4-0112 – мужчина, тридцать лет, инженер-строитель из Ганимеда, Огендо помнил его по первой волне колонистов – мужчина внутри камеры умрёт мгновенно. Декомпрессия криоконтра – каскад: разрыв оболочки, выброс хладагента, термический шок, гибель.

Но это – одна камера. Направленный заряд – мощности хватит, чтобы пробить стенку и задеть соседнюю. Две камеры. Может – три, если осколки стекла повредят датчики. Шесть спящих – мертвы.

Огендо стоял на коленях перед открытым люком, руки в перчатках – в сантиметре от заряда. Он не дышал. Не потому что боялся детонации – заряд был на дистанционном или таймерном взрывателе, Огендо видел провод к датчику, и это означало, что триггером был температурный порог или внешний сигнал. Не потому что не знал, что делать, – он знал: не трогать, закрыть люк, вызвать сапёра.

Он не дышал, потому что понял.

Пять ночных визитов за месяц. Дэхён, Ким, Дельгадо. Криоблок четыре – двести камер. Пять визитов – сколько зарядов можно установить за пять ночей?

Огендо медленно закрыл крышку люка. Не завинчивал – просто приставил. Встал. Колени протестовали. Он не заметил.

Следующая камера. 4-0113. Пломба – штатная. Винты – тугие. Чисто.

4-0114. Пломба – штатная. Чисто.

4-0115. Пломба – фальшивая.

Огендо открыл. Заряд. Тот же тип, та же установка, тот же провод к датчику. Направлен – внутрь камеры и вбок, к соседней.

Он закрыл. Руки по-прежнему не дрожали. Тело – в рабочем режиме, автомат, двадцать лет тренировки. Голова – считала. Два заряда из двух проверенных подозрительных люков. Статистика – стопроцентная. Если каждый визит – один-два заряда, если пять визитов – семьдесят. Если все – в четвёртом блоке...

Огендо проверял следующие камеры. 4-0116 – чисто. 4-0117 – чисто. 4-0118 – чисто. 4-0119 – фальшивая пломба.

Заряд.

4-0130 – заряд.

4-0147 – заряд.

Он прошёл весь ряд. Пять зарядов. И это – только один ряд из десяти.

Огендо остановился посреди криоблока. Двести камер. Двести зелёных индикаторов. Двести спящих людей, которые доверяли ему – доверяли, что он построил корабль, который их защитит. И за стенками их камер – заряды, установленные человеком, которого он сам привёл на этот корабль.

Тишина криозоны – та самая ватная, абсолютная – стала удушающей. Огендо слышал собственное дыхание, и оно было слишком громким, слишком быстрым, и он заставил себя замедлить – вдох на четыре, выдох на четыре – потому что если он потеряет контроль сейчас, посреди криоблока, среди зелёных огней и спящих людей, – он не вернёт его.

Он считал. Пять зарядов в одном ряду. Десять рядов в блоке. Если паттерн – равномерный: пятьдесят зарядов. Нет – слишком много. Дэхён был педантичен, но не безумен. Направленный заряд такого типа – редкость на «Семени», штатный инструмент горнопроходчиков. Их количество – ограничено. Семь, может десять, может двенадцать.

Огендо не знал точно. Ему нужно было проверить все двести камер, и потом – другие блоки.

Он посмотрел на часы. Восемь утра бортового. Через час – начнётся рабочая смена. Двести сорок семь человек проснутся, выйдут в коридоры, начнут работать. Среди них – Дэхён. Среди них – Ким. Среди них – Дельгадо.

Огендо должен был решить: что делать прямо сейчас.

Вариант первый: арестовать троих. Немедленно. Проблема – Огендо один, физически – не боец, Дэхён – моложе на двадцать пять лет. И если у Дэхёна – дистанционный детонатор, арест может стать спусковым крючком.

Вариант второй: обезвредить заряды. Тихо, пока Дэхён не знает. Проблема – Огендо не знал, сколько их и где. Проверка всех камер – часы. Часы, в которые Дэхён может заметить, что кто-то открывал люки.

Вариант третий: ждать. Наблюдать. Выяснить полную картину. Проблема – каждый час ожидания – час, в который заряды могут быть активированы.

Вариант четвёртый: инженерный.

Огендо поднял глаза к потолку криоблока. Системы аварийного контроля: датчики давления, температуры, радиации – в каждой камере, на каждой стене, в каждом углу. И аварийные переборки – массивные, герметичные, способные в три секунды разделить криоблок на двенадцать изолированных секций. Огендо проектировал их для защиты от каскадной декомпрессии. Но переборки – это не только защита.

Это – ловушка.

Аварийные переборки, контроль вентиляции, замки на дверях, камеры наблюдения – всё это были системы «Семени», и Огендо знал каждую. Он мог изолировать любую секцию корабля за секунды. Перекрыть воздух, запереть двери, включить газ из аварийных баллонов. Он проектировал это для катастроф – пожар, разгерметизация, утечка хладагента. Но системы не различали катастрофу и диверсию. Они слушались команд.

Его команд.

– Я – автор, – сказал Огендо тихо. – Я написал правила этого мира. Каждую дверь, каждый замок, каждый клапан. Если ты хочешь сломать мой корабль, Дэхён, – тебе придётся играть по моим правилам.

Он вышел из криоблока. Шлюз закрылся за спиной – мягкое шипение, зелёный свет. Двенадцать градусов сменились шестнадцатью – коридор жилого модуля, теплее, светлее, шире. Огендо шёл, и шаги его звучали быстрее, чем обычно – не бег, но решимость.

Ему нужно было вернуться в инженерный отсек. Составить карту зарядов – для этого необязательно проверять каждый люк вручную, можно использовать рентгеновские датчики

системы структурного мониторинга, которые сканировали корпус на предмет трещин. Они увидят металлические цилиндры за стенками камер. Не все – но достаточно.

Ему нужно было изучить графики работы Дэхёна, Ким и Дельгадо. Когда они на смене, когда – свободны, где – в каждый момент дня. Чтобы знать, когда действовать.

Ему нужно было найти людей, которым он мог доверять. Не всех двести сорок семь – четверых или пятерых. Нкози. Чжоу. Парру из старшей инженерной группы. Людей, которых он знал лично, годами, десятилетиями. Людей, которые были на «Семени» раньше Дэхёна и останутся после.

Ему нужно было сделать всё это, одновременно достраивая корабль, одновременно готовясь к прибытию вражеского флота, одновременно помня число 614 – которое теперь грозило увеличиться, если заряды сработают и криоблоки потеряют целостность.

Четырнадцать дней. Одиннадцать задач плюс одна – диверсанты. Девять выполнимых, одна частичная, одна невозможная. И теперь – ещё одна, для которой у него не было категории.

Огендо вошёл в инженерный отсек. Сел за терминал. Кофейное пятно на столе – высохло, превратившись в тёмное кольцо. Он посмотрел на него, потом – на экран, потом – на свои руки.

Руки дрожали.

Впервые за четыре дня, впервые с начала всего – впервые. Огендо смотрел на собственные пальцы, на мелкую вибрацию, которую он не мог контролировать, и понимал: это не страх. Не паника. Это – тело, которое наконец поняло то, что разум знал уже час: кто-то хочет убить его корабль. Кто-то, кого он любил как ученика. Кто-то, кто ходит по его коридорам, дышит его воздухом, спит в его ячейке – и прячет бомбы в камерах людей, которых Огендо поклялся доставить к звёздам.

Он положил ладони на стол. Плашмя, пальцы – растопырены. Прижал. Дрожь – передавалась столу, потом – утихла. Секунда. Две. Три.

Огендо убрал руки. Они были спокойны.

Он открыл систему структурного мониторинга и начал сканирование.

**Часть
II
: Дрейф**

Глава 6: Четыре градуса

Корвет «Надежда Тяньцзиня», баллистический дрейф День 5. 13 дней до Битвы при Седне. 5-й день дрейфа

На пятый день Чень перестала чувствовать пальцы на левой ноге.

Она обнаружила это утром – если можно назвать утром шесть часов бортового времени в корабле, где не было разницы между днём и ночью, где красные аварийные диоды горели одинаково в полдень и в полночь, и единственным способом отличить одно от другого были часы на запястье, которые Чень проверяла каждые двадцать минут, потому что время в темноте расширялось, становилось вязким, и минуты казались часами, а часы – чем-то, что не заканчивается.

Пальцы. Левая нога. Чень сидела в спальном мешке, привязанном к ложементу кают-компании – каюта капитана была слишком далеко от мостика, и после второго дня Чень переселилась сюда, вместе с семью другими офицерами, потому что в тесноте – теплее. Она пошевелила пальцами – точнее, попыталась. Ощущение было, как будто ноги не существовало ниже щиколотки: не боль, не онемение – отсутствие. Мозг отправлял команду, и команда падала в пустоту.

Чень выбралась из мешка. Воздух – четыре градуса, и он бил по лицу, как ладонь. Дыхание – видимое: тёплый выдох превращался в белое облачко, которое висело перед лицом секунду, потом – растворялось. Иней на переборках – тонкий, кристаллический, похожий на плесень. За пять дней без обогрева влага из воздуха осела на каждой металлической поверхности и замёрзла. Стены «Надежды Тяньцзиня» стали белыми – не от краски, а от льда.

Чень растёрла ногу. Больно – острое, колющее, – значит, не обморожение. Просто холод и неподвижность. Она растирала минуту, две, пока пальцы не начали жечь – хороший признак, кровь возвращалась, нервы просыпались. На третьей минуте – ощущение нормализовалось. Пальцы – на месте. Все пять.

Рядом спали четверо. Спальные мешки – тёмные коконы, из которых торчали лица, бледные, с инеем на бровях. Люди дышали – и это было слышно: тридцать четыре пары лёгких в тесном корпусе создавали непрерывный шум, влажный, ритмичный, как прибой. Единственный живой звук на корабле. Рециркуляция на тридцати процентах давала тихий шелест – почти беззвучный, на грани восприятия. Всё остальное – мертво. Двигатели, отопление, освещение, связь – мертво. «Надежда Тяньцзиня» летела через пустоту, как камень, брошенный рукой слепого: по расчётной траектории, но без возможности скорректировать.

Чень встала. Магнитные ботинки – щелчок о палубу, и этот щелчок прозвучал громче, чем следовало, потому что в тишине дрейфа каждый звук был событием. Она посмотрела на часы. 06:04. Через шесть минут – первая смена: упражнения.

Упражнения были не рекомендацией – приказом. Двадцать минут физической активности дважды в сутки для каждого члена экипажа. Не для здоровья – для тепла. В четырёх градусах тело отдавало калории быстрее, чем получало из холодных рационов, и без движения гипотермия наступала через восемь-десять часов непрерывного покоя. Упражнения разогревали мышцы, ускоряли кровоток, давали телу несколько часов отсрочки.

И ещё – они давали людям что-то делать. На пятый день это было важнее тепла.

В 06:10 первая группа – восемь человек – собралась в кают-компании. Места – едва хватало: столы сдвинуты к стенам, стулья сняты и закреплены на потолке. Люди стояли, как

солдаты на плацу, только плац был три на четыре метра, и вместо неба над головой – низкий потолок с трубами вентиляции, покрытыми инеем.

Упражнения – простые, бездумные: приседания, отжимания, повороты корпуса. В невесомости – невозможно, но «Надежда» не была в полной невесомости: остаточное вращение от последнего маневра давало ноль-ноль-два g – ничтожно, но достаточно, чтобы чувствовать, где пол. Приседания в ноль-ноль-два g не нагружали ноги – они нагружали координацию: каждое движение уносило тело вверх, и нужно было цепляться ботинками за палубу, чтобы не уплыть.

Чень занималась вместе с группой. Не потому что верила в силу личного примера – потому что мёрзла, как все, и двадцать минут движения были единственным способом вернуть тепло в руки.

Рядом – мичман Ковальчук. Бледная, с тёмными кругами под глазами – ещё более тёмными, чем обычно. Она двигалась механически, без энергии, как автомат с разряженной батареей.

– Ковальчук, – сказала Чень между приседаниями. – Как спали?

– Плохо, мэ. – Голос – хриплый, от холодного воздуха, который пять дней подряд сушил горло. – Скрип. Обшивка. Каждые два часа – как будто кто-то пилой по стене.

Скрип. Термическое сжатие – обшивка корвета остывала неравномерно, и металл деформировался, стонал, скрежетал. В первую ночь этот звук подбросил половину экипажа – люди хватались за переборки, думая, что корпус разрушается. Ко второй ночи – привыкли. К пятой – перестали вскакивать, но не перестали слышать. Скрип стал фоном, как дыхание спящих, – постоянным, тревожным, невозможным для игнорирования.

– Терпите, – сказала Чень. Не утешение – констатация. Терпеть – единственный доступный глагол.

Двадцать минут. Группа разошлась. Следующая – через час. Чень прошла по коридору к мостику – тридцать шагов в красном полумраке, мимо ячеек экипажа, из которых доносилось дыхание и негромкие голоса. Люди разговаривали шёпотом – не потому что была причина шептать, а потому что тишина дрейфа давила, и громкий голос казался нарушением, как крик в храме.

На мостике – вахтенный. Рулевой Сунь, тридцать лет, неразговорчивый, с лицом, которое было одинаковым в любой ситуации: плоским, спокойным, непроницаемым. Сунь сидел в пилотском ложементе, укутанный в спальный мешок до пояса, и смотрел на единственный активный экран – навигационный. Белая точка «Надежды» ползла по белой линии.

– Статус, – сказала Чень.

– Траектория – стабильна. Отклонение – ноль целых ноль-ноль-три градуса. В пределах допуска.

– Рост отклонения?

Сунь помедлил. Вывел на экран график – линия, едва заметно поднимающаяся вправо.

– Ноль целых ноль-ноль-ноль-четыре градуса за последние двенадцать часов. При текущей динамике – выйдет за пределы допуска через... – Он посчитал. – Трое суток. Ноль целых ноль-один градус – промах три тысячи километров. За пределами досягаемости.

Трое суток. До прибытия – шесть. Значит, через три дня – нужна коррекция. Маневровые двигатели, одна-две секунды тяги. Минимальный тепловой след.

Но – след. Любой след в пустоте – как крик в тишине. Вопрос: есть ли кто-то, кто слушает?

– Пассивные сенсоры, – сказала Чень. – Что видите?

– Ничего нового, мэ. Тепловой фон – стандартный. Далёкие сигнатуры «Метели» – слабые, на границе обнаружения. Седна – тепловая точка, стабильная. Никаких кораблей в зоне прямой видимости.

Никаких кораблей. Это не значило, что их не было, – пассивные сенсоры корвета видели на расстоянии нескольких а.е. при хороших условиях, а условия были не хорошие: минимальная мощность, минимальная обработка данных, минимальное всё. «Надежда» была почти слепа – как человек, который смотрит через замочную скважину.

– Кислород, – сказала Чень.

Сунь переключил экран. Показатели жизнеобеспечения: кислород – шестьдесят один процент от начального запаса. Расход – стабильный, на уровне прогноза Парры. При текущем расходе – семь суток. До прибытия – шесть. Запас – сутки.

Одни сутки. Как было с первого дня. Не больше, не меньше.

– Углекислый газ?

– Ноль целых шесть процента. Норма – до одного. Скрубберы справляются. Но, мэм... – Сунь замялся. Это было необычно – Сунь не мялся. – Скрубберы работают на тридцати процентах. Если нагрузка возрастёт – стресс, физическая активность, – уровень CO₂ начнёт расти быстрее. При одном проценте – головные боли. При двух – нарушение координации. При трёх...

– Я знаю пороги, Сунь.

– Да, мэм.

Чень села в капитанский ложемент. Ремни – щелчок, щелчок, щелчок. Привычные, успокаивающие. Кресло было холодным – через ткань комбинезона четыре градуса чувствовались как десять, потому что кресло – металлическое, и металл отбирал тепло быстрее воздуха.

Она достала из нагрудного кармана приказ. Бумага – мятая, мягкая от пяти дней в кармане, пропитанная теплом тела. Развернула.

«...нейтрализовать объект «Семья» как угрозу безопасности Солнечной системы... Допустимые средства: все имеющиеся в распоряжении... приказ допускает полное уничтожение объекта...»

Пять дней назад, в тёплой каюте, при работающих двигателях, слово «нейтрализовать» выглядело бюрократическим. Эвфемизм, упакованный в военный формат. Язык, который отстраняет от реальности: не «убить десять тысяч», а «нейтрализовать объект». Не «уничтожить ковчег» – «полное уничтожение объекта». Слова-прослойки между приказом и реальностью, как экраны Уиппла между корпусом и вакуумом.

Теперь – после пяти дней в четырёх градусах, после пяти ночей скрипа обшивки, после пяти утренних проверок кислорода – слово «нейтрализовать» выглядело иначе. Не бюрократическим. Не отстранённым. Оно выглядело – точным. Хирургически точным. Потому что за пять дней Чень поняла: тот, кто писал этот приказ, знал. Знал, что капитан корвета, отправленный в одиннадцатидневный дрейф в ледяной темноте, будет читать и перечитывать каждое слово. И каждое слово было выбрано так, чтобы оставить зазор. «Нейтрализовать» – не «уничтожить». «Допускает» – не «приказывает». Зазор для совести. Зазор для рапорта. Зазор для трибунала.

Не для неё. Для них.

Регламент ВМС Ковчега, раздел 12, параграф 8: «В случае возникновения морального конфликта при исполнении приказа военнослужащий обязан руководствоваться положениями военного права и этического кодекса ВМС Ковчега.» Этический кодекс, статья 3: «Каждый военнослужащий несёт персональную ответственность за свои действия и не может ссылаться на приказ вышестоящего командира в качестве оправдания действий, явно противоречащих нормам человечности.»

Явно. Снова это слово. Явно.

Десять тысяч спящих. Четыре торпеды. Это – «явно»?

Чень сложила приказ. Убрала. Карман – тёплый.

Néih jī-gā jōuh māt-yéh a? Что ты делаешь?

Она не знала. Пять дней в темноте, и она до сих пор не знала.

Рутина дрейфа имела структуру – хрупкую, искусственную, но необходимую, как скелет, без которого тело превращается в мешок мяса. Чень выстроила расписание в первый день и следила за его исполнением, как хирург следит за пульсом на мониторе: малейшее отклонение – тревога.

06:00 – подъём. Первая группа упражнений. 07:00 – вторая группа. 08:00 – третья группа. Четвёртая – в 09:00. 10:00 – первый приём пищи. Холодные рационы: энергетические батончики, концентрированный белок, вода. Вода – из рециркулятора, с металлическим привкусом, который к пятому дню стал нормой. Нагреть – нечем: пищевые нагреватели отключены, экономия энергии. Холодная еда в холодном корабле – наказание, замаскированное под питание. 12:00 – проверка траектории. Пассивные сенсоры, навигационный расчёт. 14:00 – упражнения, второй цикл. 16:00 – свободное время. Самая опасная часть дня: люди без задачи – люди с мыслями. А мысли в четырёх градусах и темноте – не друзья. 18:00 – второй приём пищи. 20:00 – проверка траектории. 22:00 – отбой.

Между строчками расписания – пустота. Минуты, которые нечем заполнить. Люди лежали в спальных мешках, жались друг к другу – не от привязанности, от холода. Разговаривали – шёпотом, обрывками, как люди в приёмной у врача: о ерунде, потому что о важном – страшно. О еде на станциях, о девушках и парнях, оставленных в Поясе, о детях, о будущем, которое выглядело неопределённым даже без войны, а теперь – не выглядело никак.

Некоторые не разговаривали. Сидели в темноте и молчали, и молчание их было тяжелее, чем стены.

Чень обходила корабль дважды в день – утром и вечером. Тридцать метров от носа до кормы, через все отсеки: мостик, кают-компания, жилые ячейки, технический отсек, грузовой, машинное отделение. Каждый обход – полчаса. Каждый обход – проверка: температура, кислород, состояние людей. Каждый обход – присутствие: капитан ходит, значит, корабль жив.

На пятый день обход показал то, что Чень ожидала, но надеялась не увидеть.

Жилые ячейки – восемь кубиков два на полтора метра, по четыре человека в каждом. В первых четырёх – нормально, насколько «нормально» применимо к людям, спящим в спальных мешках при четырёх градусах. В пятой – мичман Хуан не выходил на упражнения второй день. Лежал в мешке, лицом к стене, дышал – но не двигался. Чень присела рядом.

– Хуан.

Молчание.

– Мичман Хуан. Рапорт.

Голос – из-под мешка, глухой, как из-под земли:

– Ничего, мэ. Просто... лежу.

Чень посмотрела на него. Двадцать пять лет, техник-радиолокаторщик, два года на «Надежде». Тихий, исполнительный, никогда не создававший проблем. Теперь – не выходивший из ячейки.

– Через десять минут – ваша группа, – сказала Чень. – Упражнения. Это не просьба.

Пауза. Потом – движение под мешком, медленное, неохотное, как у человека, выползающего из-под обломков.

– Да, мэ.

Чень пошла дальше. Шестая ячейка – нормально. Седьмая – нормально. Восьмая – запах. Кислый, резкий, узнаваемый: кто-то из четверых не справился с невесомостью и рвотой. В невесомости рвота – не неприятность, а опасность: без гравитации – жидкость не падает, а висит каплями, попадает в дыхательные пути, и человек может захлебнуться собственной рво-

той, если не повернуть голову. Чень проверила: матрос Чо, двадцать один год, самый молодой на корвете, бледный до серости, глаза – стеклянные.

– Чо. Доложить.

– Виноват, мэ. Живот... с утра. Батончик не пошёл.

– К Парре. Он выдаст противорвотное. И уберите здесь.

– Да, мэ.

Запах остался. В четырёх градусах запахи не рассеивались – они застывали, повисали в воздухе, липли к стенам. К девятому дню – Чень знала это по опыту предыдущих дальних походов, хотя ни один не был таким – к девятому дню корабль будет пахнуть тридцатью четырьмя телами, потом, страхом, рвотой и застоявшейся мочой. Запахи, которые рециркуляция на тридцати процентах не могла отфильтровать. Запахи, которые становились частью воздуха – и, значит, частью каждого вдоха.

Чень закончила обход. Вернулась на мостик. Сунь уступил ей ложемент – его вахта закончилась, следующая – через восемь часов. Чень осталась одна.

Одна на мостике. Красные диоды. Навигационный экран – белая точка на белой линии. Температура – четыре градуса. За переборкой – тридцать три человека, каждый – в своём мешке, в своём кубике, в своём страхе.

Чень открыла журнал траектории. Отклонение – ноль целых ноль-ноль-три. Тренд – вверх. Через три дня – предел допуска. Нужна коррекция.

Коррекция – маневровые двигатели. Одна-две секунды тяги. Минимальный тепловой след.

Фелл рассчитал: на расстоянии свыше пяти а.е. – не обнаружим стандартными сенсорами. На «Семени» – нестандартные. Экипаж Кацураги. Если кто-то найдёт – они.

Если найдут – бой. Корвет против эсминца. Четыре торпеды против шести. Два рейлгана малого калибра против двух большого. Математика однозначная.

Если не найдут – продолжаем. Подходим. Четыре торпеды – и «Семя» перестает существовать.

Чень закрыла журнал. Посмотрела на переборку – иней, красный свет, конденсат, который замёрз каплями и висел на стене, как слёзы, которые некому вытереть.

Она думала о «Семени». Не как об объекте – как о корабле. Две тысячи шестьсот метров. Десять тысяч спящих. Парус – сто двадцать километров тончайшего материала. Огендо – она читала его дело, как читала дела всех ключевых фигур Мандата – строил этот корабль двадцать лет. Двадцать лет одного проекта, одной идеи, одного решения. Чень не представляла себе двадцать лет работы над одним кораблём – она привыкла к ротациям, переводам, новым назначениям. Флот двигался, и она двигалась вместе с ним. Остановиться на двадцать лет – значило врать, стать частью конструкции.

Уничтожить «Семя» – значило уничтожить двадцать лет чьей-то жизни. Десять тысяч чьих-то жизней. Одну попытку – единственную, возможно, – выйти за пределы Солнечной системы.

Ковчег говорил: «Ресурсы конечны. Жизни важнее мечты.» Чень верила в это. Верила, сидя в тёплой каюте, под работающими двигателями, в кольце двенадцати боевых кораблей. Здесь, в четырёх градусах и темноте, на полпути к цели, которую ей приказали уничтожить, – верила ли она по-прежнему?

Ресурсы конечны. Да. Гелий-3, потраченный на «Семя», мог бы обогреть станции Пояса, запустить десятки кораблей внутри Солнечной системы, обеспечить энергией миллиарды людей. Логика – безупречна. Арифметика – на стороне Ковчега.

Но арифметика не объясняла, зачем посылать корвет в одиннадцатидневный дрейф. Арифметика не объясняла, зачем «нейтрализовать», если можно – заблокировать, оцепить, взять под контроль без уничтожения. Арифметика не объясняла слово «допускает».

Если Ковчег хотел защитить ресурсы – можно было отрезать снабжение «Семени». Конвой Не-3, материалы с Цереры, специалисты из Пояса – перекрыть всё, и ковчег остановится сам. Не через восемнадцать дней – через полгода. Долго, но бескровно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.